

о беззаконіяхъ Израиля, не одно благоговѣніе ихъ предъ величіемъ, святостію и другими совершенствами Іеговы,—не одно погруженіе въ судьбы Божественнаго міроуправленія и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ прямую цѣль подѣйствовать на умы и сердца народа,—что сообщаетъ имъ характеръ дидактической поэзіи; отъ чисто дидактическихъ произведеній отличаются они тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ сила чувствованій надъ спокойнымъ размышленіемъ и высокая живость картинъ надъ простотою изложенія.

І. О книгѣ Іова.

І. Книга Іова имѣетъ предметомъ своимъ разрѣшеніе важной проблемы, которая, какъ увидимъ изъ подробнаго анализа книги, глубоко лежитъ въ жизни человѣка подъ Теократіею, именно—какъ относятся страданія праведника къ Божественной правдѣ? Съ одной стороны, весь законъ есть свидѣтельство и явленіе правды Божественной; почему исполнителю закона и обѣщается благословеніе и въ этой жизни и въ будущей; но съ другой стороны въ жизни бываютъ и такіе случаи, что человѣкъ праведный, исполняющій волю Божию со всѣмъ усердіемъ и вѣрою, вмѣсто благословенія, терпитъ бѣдствія, а человѣкъ беззаконный, вмѣсто наказанія, живетъ благополучно и даже счастливо. Гдѣ тайна такого Божественнаго міроуправленія? Евангеліе ясно разрѣшило этотъ вопросъ; но для человѣка ветхо-завѣтнаго, въ теократическомъ царствѣ особенно оставленнаго въ разрѣшеніи этого вопроса лишь себѣ самому, этотъ вопросъ не могъ быть довольно ясенъ; у него выходило одно изъ двухъ: или нѣтъ правды Божіей, или нѣтъ истиннаго благочестія человѣческаго. Не разъ и прозорливое око ветхо-завѣтныхъ мудрецовъ съ недоумѣніемъ останавливалось на разсмотрѣніи такихъ явленій и задумчиво вопрошало Бога: что яко путь нечестивыхъ спѣется? Само собою разумѣется, что испытаніе такого отношенія правды Божіей къ правдѣ человѣческой представляетъ важный и богатый предметъ для священной поэзіи Евреевъ: изображеніе состояній и думъ страждущаго невинно праведника, его взглядовъ на себя и на правду Божию въ отношеніи къ себѣ, взглядовъ и сужденій другихъ объ этомъ,—здѣсь мѣсто и для высоко-лирической и для дидактической поэзіи. Въ псалмахъ (36, 48, 72), притчахъ (3, 11—12. 13, 21 сл.) и у нѣкоторыхъ пророковъ этотъ пред-

метъ нѣсколько затронуть, и въ краткомъ видѣ высказано нѣсколько чувствъ и мыслей. Но все, что составляло задачу въ этомъ отношеніи для человѣка подѣ Теократіею, подробно и многосторонне представлено въ книгѣ Іова; что въ другихъ мѣстахъ ветхо-завѣтнаго писанія высказано кратко и разъединенно, здѣсь соединено въ одно обширное цѣлое; проблема разрѣшается обстоятельно.

II. Вся книга раздѣляется на три главные части: въ первой, заключающейся въ первыхъ трехъ главахъ, содержится изложеніе самой проблемы подлежащей рѣшенію; во второй—различныя рѣшенія ея тремя друзьями Іова вмѣстѣ съ самимъ Іовомъ (гл. 4—32); наконецъ въ третьей содержится самое рѣшеніе истинное этой проблемы: а) въ рѣчахъ Еліуя, б) въ рѣчахъ Самого Бога и наконецъ въ благословеніи Іова, составляющемъ заключеніе книги (гл. 33—42).

1) Книга начинается историческимъ разсказомъ о жизни нѣкоего Іова изъ страны Уцъ,—разсказомъ, въ которомъ представляется Іовъ человѣкомъ истинно благочестивымъ и за это благочестіе благословеннымъ отъ Бога великими земными благами. Не только въ собственныхъ своихъ дѣлахъ этотъ человѣкъ выражаетъ великое благоговѣніе и страхъ Божій; но и о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ онъ отечески заботится, чтобы они не оскорбили или не забыли въ веселіи своихъ домашнихъ праздниковъ о Томъ, Кому они обязаны всѣми своими благами; за то онъ щедро и надѣленъ этими благами. Значить, здѣсь правда Божія представляется въ полномъ и совершенномъ согласіи съ прямымъ представленіемъ о ней въ отношеніи къ правдѣ человѣческой. Но вдругъ посѣщаютъ благочестиваго патріарха неожиданныя бѣдствія, и бѣдствія жестокія, которыя свидѣтельствовали о гнѣвѣ Іеговы на него, по простому непосредственному сужденію объ отношеніи правды Божіей къ дѣйствіямъ человѣческимъ, а между тѣмъ Іовъ невиненъ и сознаетъ себя невиннымъ, какъ видно изъ его рѣчей. Что же значатъ эти постигшія его бѣдствія? Какъ согласить ихъ съ правдой Божіей относительно дѣлъ человѣческихъ? Іовъ такъ же невиненъ, какъ и во время своего благополучія—награды за невинность, а между тѣмъ его постигли такіа бѣдствія—наказаніе, за что? Но вотъ здѣсь, гдѣ только-что является предметомъ испытанія темная загадочная сторона человѣческой жизни и судьбы, гдѣ тайны Божественнаго міроуправленія непостижимыя, имѣютъ подлежать изслѣдованію, поэтъ поднимаетъ завѣсу отдѣляющаго другой

духовный міръ отъ нашего, вводитъ читателя на небо,—чтобы установить истинный взглядъ на предметъ, который составляетъ основаніе всѣхъ послѣдующихъ разговоровъ. Богъ представляется окруженнымъ сынами Своими, небесными вѣстниками, назирающими по Его волѣ вселенную и возвѣщающими Всевѣдущему о событіяхъ во вселенной. Между ними является духъ—искуситель, крѣпко сомнѣвающийся въ человѣческой добродѣтели и утверждающій предъ лицомъ Іеговы, что стоитъ только отнять у любого праведника, наприм. Іова, котораго по добродѣтели поставилъ Іегова выше всѣхъ людей на землѣ, стоитъ только отнять у Іова внѣшнія блага, которыми надѣлилъ его Іегова и за которыхъ одни и чтитъ онъ Его, и тогда этотъ праведникъ не задумается отречься отъ Него. „Даромъ ли Іовъ чтитъ Бога, говоритъ искуситель? Не Ты ли оградишь его, домъ его и все, что у него? дѣла рукъ его Ты благословилъ, и стада его наполняютъ землю. Но прости руку Твою и коснись всего, что у него, тогда онъ предъ лицомъ Твоимъ и отречется отъ Тебя“ (1, 3—11). Іегова, чтобы показать этому искусителю истинность добродѣтели и благочестія Іова, позволяетъ ему подвергнуть его испытанію лишеніемъ всѣхъ благъ, дарованныхъ Іеговою, кромѣ жизни и здоровья самаго Іова. И вотъ бѣда за бѣдой постигаютъ счастлива Іова; все его богатство, всѣ его сыновья и дочери, все его счастье, все погибаетъ; но Іовъ выдерживаетъ испытаніе. „Нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, говоритъ онъ, нагъ и возвращусь туда; Господь далъ, Онъ и взялъ; да будетъ благословенно имя Іеговы во вѣки!“ При всемъ этомъ Іовъ не согрѣшилъ, и не произнесъ ничего хульнаго о Богѣ (21—22). Искуситель опять является предъ Іеговою, и на замѣчаніе Его, что напрасно онъ погубилъ внѣшнее счастье Іова, что Іовъ никогда не измѣнитъ Богу своему, искуситель отвѣчалъ, что испытаніе легко, что человѣкъ можетъ дойти до нѣкотораго самоотверженія, когда не нужно пожертвовать самимъ собой лично, даже здоровьемъ своимъ; но Ты прости руку Свою на него самаго, продолжаетъ искуситель, коснись костей его и тѣла его, и тогда увидишь, что онъ отречется отъ Тебя. И на это соизволяетъ Іегова, и вотъ Іовъ пораженный жесточайшею на востокъ болѣзнію во всемъ тѣлѣ, проказою, сидитъ одиноко въ этой жестокой болѣзни, очищая черепками струпы проказы. Къ вѣщающему мученію изъ устъ своей жены слышитъ онъ искусительныя слова: *отрекись отъ Бога и умри*; но и это искушеніе и испытаніе перемогаетъ.

онъ и ничего хульнаго не говоритъ о Богѣ. Не отъ Бога ли получили мы добро, почему же не принять намъ и зло, былъ отвѣтъ его на это искушеніе.

Итакъ вотъ причина жестокихъ, не заслуженныхъ бѣдъ, Іова, причина не довѣдомая никому изъ людей, даже самому Іову, и служащая предметомъ разговоровъ, составляющихъ книгу. Когда такъ представляется причина бѣдствій Іова, что духъ—искуситель, съ соизволенія Божія, дѣлаетъ все зло: то такое воззрѣніе вполне сообразно съ Теократіею и устраняетъ всякую языческую мысль о бѣдствіяхъ людей. Зло и страданія—здѣсь не дѣло завистливаго какого-либо бога или богини, не дѣло случая или слѣпой судьбы, не произведеніе злаго начала, какъ въ дуалистическомъ міросозерцаніи, но испытаніе, посланное Праведнымъ Богомъ, для высокой цѣли возвышенія добродѣтели и явленія истинности добродѣтели истиннаго праведника, хотя эта цѣль и не постигнута была тогда Іовомъ и его друзьями.

Хотя Іовъ сначала переноситъ все, но бѣдствія растутъ и—главное испытаніе еще только наступаетъ. Являются къ Іову три друга изъ разныхъ странъ; страшная загадка для нихъ эти бѣдствія и скорби ихъ друга праведника; по господствующему воззрѣнію они должны были думать, что какое нибудь тайное, неизвѣстное имъ и никому преступленіе—причиною несчастій Іова и притомъ преступленіе великое, когда по слухамъ, дошедшимъ до нихъ, велики несчастія Іова. Но когда они пришли къ Іову: то еще болѣе должны были убѣдиться въ этомъ; несчастія Іова превзошли ихъ ожиданія; семь дней и семь ночей проводятъ они съ Іовомъ молча и никто не говорилъ ему ни слова: ибо видѣли, что горестъ его весьма велика, наказаніе страшно, и значитъ важно беззаконіе его. Тогда Іовъ не могъ болѣе выносить; онъ читалъ ихъ мысли о себѣ въ душахъ ихъ, и его скорбь и не выносимая тягота душевная наконецъ вылились въ горькой жалобѣ; къ чему не могли склонить его ни бѣдствія его, ни льстивыя слова жены, къ тому вынудило его темное скрытное, неосновательное подозрѣніе друзей: онъ проклинаетъ день своего рожденія, жалѣетъ, что не родился онъ мертвымъ, какъ выкидышъ, жалуется на бѣдственный жребій человѣка на землѣ (3, 2 и дал., 12—26): на что жизнь человѣку, которому закрыть путь, и которому положилъ Богъ преграду? Ибо ужасное, чего я ужасаюсь, идетъ ко мнѣ, и чего я страшусь, нападаетъ на меня. Нѣтъ мнѣ покоя, нѣтъ тишины, нѣтъ

отрады, постигло мученіе! Эти проклятія своей жизни, хотя болѣе вопль страданій и огорченія на друзей, чѣмъ явный ропотъ противъ Бога, содержатъ однако же не прямое нареканіе на правду Божію, которое вызываетъ друзей его вмѣсто утѣшенія къ противорѣчію; они устрашились этихъ проклятій, и нашли въ нихъ подтвержденіе своего темнаго подозрѣнія.

Теперь проблема предложена и объяснена: правда Божія, явившаяся сперва въ согласіи съ правдою человѣческою, встаетъ съ ней въ видимое противорѣчіе и—вынуждаетъ изъ груди невиннаго страдальца горькую жалобу на бѣду и нареканіе на Іегову, происходящія отъ неполнаго пониманія судебъ божествен. міроуправленія, и вызвавшія противорѣчіе со стороны друзей и такимъ образомъ послужившія поводомъ—объяснить это видимое противорѣчіе правды Божіей съ правдою человѣческою. Начинается вторая часть книги, разговоры между Іовомъ и друзьями его о собственной причинѣ несчастій Іова, или разрѣшеніе трудной проблемы человѣческою мудростію, причемъ Іовъ споритъ со всѣми друзьями своими. Замѣтимъ, что Іовъ является здѣсь въ спорѣ не съ безбожниками и нечестивцами, но съ людьми благочестивыхъ мыслей и чувствъ, вѣдающими единаго праведнаго Бога и живущими по закону, воодушевленными убѣжденіемъ въ Божественной правдѣ и ратующими за истину, наконецъ людьми, которые питали личную привязанность къ Іову и пришли посѣтить его, изъ участія къ нему. Интересъ и важность спора по такимъ обстоятельствамъ увеличивается. Весь этотъ споръ въ книгѣ изложенъ такъ, что друзья попеременно, одинъ послѣ другаго, излагаютъ свои сужденія о причинѣ несчастій Іова, а Іовъ не только въ свою череду отвѣчаетъ каждому изъ нихъ, но постоянно оканчиваетъ споръ болѣе или менѣе длиннымъ монологомъ. Чтобы прослѣдить ходъ мыслей этихъ споровъ и раскрыть проводимую въ нихъ главную идею, нужно рассмотреть съ одной стороны положенія высказываемыя друзьями, съ другой отвѣты Іова на нихъ,—въ постепенномъ порядкѣ ихъ.

2. Горькая жалоба и проклятія Іова, его не прямое нареканіе на правду Іеговы, сказали мы, устрашили друзей его и вызвали съ ихъ стороны противорѣчіе воззрѣнію Іова на его несчастія; они думали, что Іовъ сдѣлалъ какое нибудь тайное преступленіе и за то наказывается; съ этою мыслию они на первый разъ и выступаютъ противъ Іова. Первый начинается рѣчь Елиѳазъ Тѳеманитянинъ. Онъ удивляется, что Іовъ,

который прежде столь многихъ утѣшалъ въ несчастіяхъ, самъ теперь не можетъ найти утѣшенія ни въ мысли о правдѣ Божіей, ни въ сознаніи правоты своихъ прежнихъ дѣлъ, хотя порядки въ мірѣ Божіемъ тѣже самые; съ тайной мыслью, что Іовъ грѣшенъ въ чемъ нибудь особенно важномъ, но тайномъ, неизвѣстномъ другимъ, онъ выставляетъ на видъ, что нѣтъ ни одного праведника наказаннаго, ни одного невиннаго несчастливца, что напротивъ нечестивые хотя повидимому и блаженствуютъ, но не надолго, ихъ постигаетъ Божіе наказаніе, но что съ другой стороны нѣтъ такого человѣка, который былъ бы правъ предъ Богомъ; въ подтвержденіе онъ пересказываетъ свое ночное видѣніе, въ которомъ онъ видѣлъ духа предъ собою и слышалъ голосъ: можетъ ли смертный быть праведнымъ предъ Богомъ и человѣкъ чистъ предъ Творцемъ своимъ (4, 3 сл. 12—21)? Итакъ нужно предаться въ волю Божію, въ руку Всемогущаго и не отвергать наказаній Вседержителя, а переносить ихъ, какъ бы они ни были сильны; тогда снова можно получить всѣ блага земныя и до конца наслаждаться ими (5, 8 до конц.). Эта рѣчь дышетъ дружескимъ участіемъ; но Іовъ слышитъ въ этихъ словахъ жестокость бездушнаго, лишеннаго любви участія и ложнаго уприска ему, къ которому привелъ друзей неправильный взглядъ на дѣло его: они не пораженные несчастіемъ легко могли подозрѣвать въ винѣ лишившагося счастья; но они не имѣли на это никакого права, кромѣ общаго представленія о правдѣ Божіей, и не взвѣсили всей его горести, чтобы ограничиться подобными утѣшеніями: „О если бы, восклицаетъ онъ, была взвѣшена горестъ моя и бѣдствіе мое положено было на вѣсы! Оно вѣрно перетянуло бы песокъ морскій“! — Онъ только одинъ сознаетъ, что его жалобы не совсѣмъ не основательны, и что онъ хотя и желаетъ себѣ смерти, но при этомъ все-таки находить для себя неисчерпаемый источникъ утѣшенія въ своей невинности, тогда какъ надежда на утѣшенія друзей обманула его. „Вы для меня ничто“, говоритъ онъ съ огорченіемъ. Увидѣли страшное и испугались и пр. 6, 21. И вотъ снова начинаетъ онъ изливать свою жалобу предъ Іеговою,—и еще сильнѣе просить себѣ смерти,—входить какъ бы въ состязаніе съ Богомъ *гл. 7.*

Друзья удивляются, что Іовъ продолжаетъ говорить въ такомъ тонѣ. „Долго ли ты такъ будешь говорить, возражаетъ другой изъ друзей, Валладъ Савхейнинъ? Не ужели Богъ превращаетъ судъ и Вседержитель превращаетъ правду?—И

потомъ начинаетъ доказывать, что можетъ быть дѣти его согрѣшили, и за то терпитъ онъ наказаніе, что ему нужно обратиться къ Богу, и Господь наградить его снова, что забывать Бога при этомъ и не покоряться ему не слѣдуетъ: ибо всѣ непокорные всегда рано или поздно наказываются (8). Но очевидно, этимъ разсужденіемъ ничего не дѣлается для разрѣшенія великой загадки бѣдствій невиннаго, и Іовъ, сознающій свою невинность и великость при этомъ несчастій, не успокоивается на мысли Валлада. „Правда, я знаю, что такъ, говоритъ онъ; но какъ человѣку оправдаться предъ Богомъ, если Онъ и благоволитъ вести съ нимъ дѣло?—Онъ всемогущъ, и кто можетъ состязаться съ Нимъ,—кто можетъ отвѣчать ему и приискивать предъ Нимъ себѣ слова?.. Но я невиненъ, говоритъ онъ, отклоня тайное подозрѣніе друзей своихъ; я невиненъ и—это сознаніе невинности снова извлекаетъ изъ груди его горькую жалобу и заставляетъ опять вызывать Бога какъ бы на судъ съ собою, и—то умоляетъ Его, то проситъ смерти. Я невиненъ; не дорожу душою моею... (9, 21—35.—гл. 10).

Эта сильная рѣчь воспламеняетъ третьяго изъ друзей—Сафара; она кажется ему пустословіемъ и богохульствомъ: можетъ ли человѣкъ изслѣдовать судьбы Божественнаго міроуправленія и самонадѣянно говорить, что онъ невиненъ? Нѣтъ, говоритъ Софаръ, если бы Богъ самъ—явился въ это время Іову: то онъ узналъ бы, что еще забыто много грѣховъ, и слѣдовательно наказаніе Іову еще мало въ сравненіи съ грѣхами; Онъ Всевидящій, видитъ всякое преступленіе, котораго другіе люди и не знаютъ; видно и у Іова есть такія преступленія и великія, за что онъ и наказывается, и Софаръ совѣтуетъ ему покаяться въ этомъ преступленіи; тогда онъ будетъ помилованъ и облегчится отъ бѣдъ, тогда какъ участь не раскаянныхъ,—ждать смерти постоянно (гл. 11). Но это прежде скрытное подозрѣніе, а теперь явно высказанное обвиненіе еще болѣе воспламеняетъ самого Іова; онъ теперь видитъ, что друзья его всѣ однихъ мыслей о немъ, всѣ обвиняютъ его въ беззаконіи; онъ опровергаетъ ихъ тѣмъ, что Богъ всевластенъ и поступаетъ не по судамъ человѣческимъ; Онъ такъ высокъ, а человѣкъ такъ ничтоженъ, что не можетъ судить о правахъ, и—въ огорченіи еще сильнѣе высказываетъ онъ свою невинность и призываетъ на судъ Іегову, чтобы друзья его послушали, какъ онъ будетъ судиться съ Нимъ,—онъ, знающій не менѣе ихъ, и однако оскорбляющій-

ся ихъ сужденіями о причинахъ его несчастія. „Точно такъ, отвѣчаетъ Іовъ съ грустною иронією друзьямъ своимъ на рѣчь Софара; точно такъ,—вы только люди, и съ вами умереть ваша премудрость (гл. 12, 13, 14).

Этою рѣчью оканчивается первый кругъ бесѣды Іова съ друзьями. Что же выходитъ изъ этого спора?—То чувство смертельной тоски, происходящей отъ великости несчастій, при сознаніи невинности, которое сначала—когда Іовъ замѣтилъ подозрѣніе друзей въ его грѣховности—вырвало у него изъ груди жалобу на Бога, это чувство,—когда друзья постепенно начали выражать яснѣе свое подозрѣніе и совѣтовать Іову раскаяться въ подозрѣваемомъ грѣхѣ, привлечемъ на него наказаніе,—силнѣе и силнѣе возбуждается въ страдальцѣ, болѣе и болѣе рѣзко говоритъ Іовъ, оправдываясь въ своей невинности и оскорбляясь подозрѣніемъ друзей. Друзья не поняли причины бѣдствій Іова, а потому въ словахъ ихъ не находятъ онъ никакого утѣшенія; въ оправданіе правды Божіей они обвиняютъ невиннаго въ какихъ-то тяжкихъ беззаконіяхъ, не вѣдомыхъ людямъ, совѣтуя ему раскаяться, и—слова ихъ еще болѣе увеличиваютъ его тяготу душевную, и—онъ вопіетъ о несчастіи человѣка. Разсужденія друзей о правдѣ Божіей и всемогуществѣ Всевышняго—для Іова давно извѣстныя и не сомнѣнныя истинны; но только онъ никакъ не можетъ примирить ихъ съ своимъ состояніемъ, и онѣ не отвѣчаютъ ему на вопросъ: почему же человѣкъ при всемъ своемъ благочестіи и чистотѣ терпитъ такіа бѣдствія?—А потому, чѣмъ сильнѣе подобныя рѣчи, чѣмъ болѣе нападаютъ друзья на невинность Іова въ пользу истинности правды Божіей,—чѣмъ настойчивѣе совѣтуютъ они ему принести покаяніе въ чемъ-то, въ чемъ онъ считаетъ себя невиннымъ, тѣмъ вспыльчивѣе и рѣзче говоритъ Іовъ противъ друзей, тѣмъ томительнѣе жалобы его на Іегову; онъ, кажется, сомнѣвается въ правдѣ и любви Божіей, хотя и боится Его; такъ и ждетъ, что вотъ вотъ надъ нимъ оправдаются слова духа—искусителя, и онъ предъ лицомъ Іеговы отречется отъ Него. Но—другая сила въ душѣ его удерживаетъ его отъ этого: онъ находитъ утѣшеніе въ томъ, на что такъ нападаютъ друзья его, онъ утѣшается тѣмъ, что не преступалъ заповѣдей Божіихъ, и что Богъ совершенно оставить его не можетъ; потому, на ряду съ горькими жалобами, у него всюду просвѣчиваетъ сознаніе, что не смотря на эти рѣзкія слова, къ которымъ побудила его жестокость несчастія, Богъ—его Богъ, что Онъ

на сторонѣ его, а не друзей, которые ложно защищаютъ правду Божию, что Богъ знаетъ его невинность и проститъ ему горькія жалобы, происходящія отъ лютой скорби и недоумѣнія. Онъ не проразумѣваетъ причины своихъ бѣдствій, но ближе стоитъ къ истинѣ, чѣмъ клеветующіе на него и нѣсколько на Бога друзья. Въ этой еще не сознанный истинности его чувства и разумѣнія отношеній правды Божіей къ дѣйствіямъ человѣческимъ кроется та побѣждающая сила, которую не могутъ сокрушить соединенныя усилія его друзей; вслѣдствіе которой онъ противостоитъ всѣмъ доводамъ друзей,—хотя эта несознанность вызываетъ рѣзкія слова противъ Бога и противъ друзей, подозрѣвавшихъ невинность Іова въ защиту правды Божественной. Хотя въ этомъ отношеніи они воспользовались всѣми оружіями, какія имѣли,—но однако же бесѣда не прекращается, они снова начинаютъ говорить противъ Іова; только избираютъ нѣсколько другое средство для убѣжденія страждущаго,—опираясь впрочемъ на ту же главную мысль, только давая ей другой оборотъ; они начинаютъ чувствовать, что можетъ быть ихъ подозрѣніе и не справедливо, а потому и не нападаютъ лично на Іова,—но такъ изображаютъ правду Божию, карающую за грѣхи, что чрезъ приложеніе ихъ разсужденій къ своимъ настоящимъ обстоятельствамъ, Іовъ не могъ не догадаться, что его поражаютъ тѣмъ же оружіемъ, только съ другой стороны, съ большей осторожностью и скрытнѣе,—но при этомъ впадаютъ въ еще большую односторонность сужденія. Начинается второй кругъ бесѣдъ Іова съ его друзьями (15—21).

3. Прежде всѣхъ начинаетъ говорить опять Елиѳазъ. Онъ, питая еще скрытно мысль, что грѣшенъ Іовъ и за то наказывается, хочетъ привести его къ сознанию виновности частію мягкими, частію рѣзкими рѣчами: онъ говоритъ, что рѣчи Іова неприличны для мудраго, — бесполезны онѣ и безсильны, что въ немъ нѣтъ страха Божія, что въ нихъ выражается непомѣрная гордость и самохвальство, какъ будто бы онъ—Іовъ обладалъ мудростію перваго, вышедшаго изъ рукъ Божіихъ, человѣка, какъ будто въ немъ—Іовѣ обитаетъ прежде сотворенія міра бывшая у Бога вѣчная премудрость, заставляющая его такъ превозноситься даже предъ Богомъ, который и святымъ своимъ не довѣряетъ, и небеса нечисты предъ лицемъ Его, а человѣкъ,—что такое человѣкъ, чтобы считать себя невиннымъ? а потому слова Іова сами осуждаютъ его:— „Что увлекаетъ твое сердце, и что такъ дерзки глаза твои,—

говорить Елиѣазъ, перемѣняя тонъ,—что ты неоднократно устремляешь духъ свой противъ Бога и произносишь изъ устъ своихъ такія дерзкія слова?—Что такое челоѣкъ предъ Богомъ“ и пр. „Послушай меня, говоритъ онъ, снова перемѣняя тонъ,—послушай меня, и я научу тебя и изложу тебѣ, что видѣлъ я, что сказывали мудрые и не сокрыли, перенявъ отъ отцевъ своихъ“,—и начинается развѣивать ту же мысль, какъ и прежде,—что только беззаконные наказываются, возстающимъ на Бога бываетъ плохо на землѣ,—рано или поздно они жестоко наказываются и чаще всего тѣмъ, что у нихъ ничто не дѣлается благополучно и благоуспѣшно (гл. 15). Можно понять, какъ подѣйствовала на Іова эта настойчивость въ подозрѣніи, котораго онъ не могъ не понять, хотя оно и невысказано ясно. Іовъ уже слышалъ это прежде и отозвался горькою жалобою; теперь еще болѣе замѣтно въ слѣдующихъ его рѣчахъ: „слышалъ я много такого,—начинаетъ онъ отвѣтъ свой Елиѣазу, слышалъ я много такого,—скучные утѣшители вы! Будетъ ли конецъ вѣтренымъ словамъ, и—что тебя раздражило, что ты такъ отвѣчаешь? И я говорилъ бы, какъ вы, если бы душа ваша была на мѣстѣ души моей, ополчался бы на васъ словами и качалъ бы головою моею; и я умѣлъ бы подкрѣплять васъ устами моими, и шевеля губами врачевать!—и начинается жаловаться, что Богъ предалъ его въ руки такихъ безжалостныхъ друзей, которые вражески поступаютъ съ нимъ, разинули на него пасть свою, бьютъ по щекамъ, и такъ же жестоко поступаютъ съ нимъ, какъ и самъ Богъ, ополчившійся на него. „Земля, восклицаетъ онъ, не закрой моею кровью, и да не будетъ мѣста воплю моему“. Видя, что всѣ его оставили, что всѣ на него пустились какъ ратоборцы, и не имѣя къ кому бы обратиться, онъ обращается къ Тому, на Кого особенно жаловался въ предшествующихъ рѣчахъ, кого считалъ врагомъ себѣ,—къ Іеговѣ и къ Его правосудію, которое должно же современемъ,—хотя послѣ смерти его,—открыться надъ его невинностію; „и нынѣ, говоритъ онъ,—Свидѣтель мой на небесахъ, и Заступникъ мой на превысреннихъ; друзья мои—ругатели; къ Богу каплетъ слеза изъ ока моего, чтобы Онъ выставилъ правду челоѣка предъ Богомъ, и—сына Адамова предъ друзьями его: ибо немногимъ моимъ лѣтамъ приходитъ конецъ, и я отхожу въ путь не возвратный. Духъ мой слабѣлъ, дни мои потухаютъ, передо мною гробы. Предстань, дай себѣ поручительство за меня: ибо кто иначе подастъ мнѣ руку? (17, 1—3) ты серд-

ца ихъ лишилъ смысла и потому не далъ имъ восторжествовать (4). Когда дождусь преисподней дома моего, и во мракѣ постелю себѣ постель?—когда гробу скажу,—ты отецъ мой, и—червь: ты мать моя и сестра моя, говорить онъ надѣясь, что правда Божія откроется же по смерти его,—и друзья его сознають неправду; но гдѣ же тогда надежды мои, въ раздумьи заключаетъ онъ, и общаемое мнѣ кто увидитъ? въ заклёны преисподней уйдутъ и онѣ,—гдѣ мы купно ляжемъ въ прахѣ. (13—16).

Но друзья изъ этой сильной рѣчи, изъ этого твердаго надѣянiя никакъ не хотятъ заключить о невинности Іова; ихъ вниманiе обращается теперь на то, что *ихъ* собственно, *лично* ихъ оскорбляетъ Іовъ,—второй изъ друзей, возбужденный этимъ личнымъ оскорбленiемъ, начинаетъ рѣчь такъ: надолго ли вы положили конецъ рѣчамъ! обдумайте же и будемъ говорить потомъ: зачѣмъ равняться намъ съ безсловесными, и быть униженными въ глазахъ его и нашихъ? (18, 2—3). Потомъ обращаясь къ Іову, произноситъ сильную, полную образовъ рѣчь, въ которой впрочемъ мало новаго, сравнительно съ сказаннымъ прежде друзьями: онъ говоритъ, что надежда, которую возлагаетъ Іовъ на будущее оправданiе своей невинности, неразумна; для Іова не премѣняются же законы естества, извѣстные всѣмъ, именно, что преступники всегда наказываются Богомъ, что Богъ являетъ надъ ними правду Свою, и они бѣдствуютъ, ничто у нихъ не спѣется (5—21); недосказанная мысль очевидно та, что ежели Іовъ умираетъ въ бѣдствiи: то очевидно онъ грѣшникъ, ибо только грѣшники такъ умираютъ, и—только грѣхъ не остается никогда ненаказаннымъ. Новая сильнѣе выраженная настойчивость, новая пронзающая стрѣла для Іова, вызывающая новую горькую жалобу и упрекъ друзьямъ: долго ли вы будете мучить душу мою и ранить меня рѣчами! Вотъ уже разовъ десять вы срамите меня, не стыдитесь мучить меня. Ежели я дѣйствительно преступникъ,—проступокъ мой при мнѣ и оставайся; ежели вы дѣйствительно хотите взять надо мною перевѣсъ: то укажите во мнѣ грѣхи (19, 1—5). Въ тяготѣ душевной, оставленный всѣми, и Богомъ и ближними, онъ не знаетъ къ кому обратиться и—то вопiеть на Бога, то на друзей, то опять обращается къ Богу, то къ друзьямъ. Обращаясь къ дружескому участiю пришедшихъ утѣшить его, онъ возстаетъ на Бога, жалуется, что Богъ низложилъ его и не возстановляетъ, дѣйствуетъ въ отношенiи къ нему, какъ врагъ, и всѣхъ вооружилъ противъ него:

вотъ я кричу—бѣда, и нѣтъ отвѣта; вошю и суда нѣтъ; Онъ преградилъ мнѣ дорогу, и не могу идти, и на путяхъ моихъ положилъ тьму, гнѣвъ Его пылаетъ на меня, Онъ считаетъ меня между врагами Своими, и всѣхъ возставилъ противъ меня (7. 8. 10); кого я любилъ, и тѣ обратились противъ меня, и я остаюсь только съ кожею въ зубахъ моихъ. Помилуйте меня, помилуйте меня, друзья мои: ибо рука Божія разить меня. Къ чему и вы преслѣдуете меня, какъ Богъ? и плотию моею не можете насытиться? О если бы рѣчи мои были записаны, желѣзнымъ рѣзцемъ съ оловомъ, были вырѣзаны на камнѣ во вѣкъ? (19—24). Но вдругъ, еще разъ происходитъ крутой переверотъ въ мысли Іова, можетъ быть отъ крайняго огорченія на несправедливость друзей, и онъ снова обращается къ Тому, Кого только-что называлъ врагомъ; мысль, что правда Божія не оставитъ же на всегда его — невиннаго, теперь оставленнаго всѣми и Богомъ и людьми, снова возникаетъ въ немъ и надежда на Бога, эта всепобѣждающая сила человѣка загорается въ немъ. „Но нѣтъ, вдругъ восклицаетъ онъ, я знаю, что заступникъ мой живъ и станетъ послѣ надъ землею, и послѣ того, какъ кожа моя такъ изранена, я и безъ плоти моей узрю Бога; я узрю, глаза мои увидятъ, а не другой кто! Тогда скажете, заключаетъ онъ, обратившись къ несправедливымъ друзьямъ: зачѣмъ мы преслѣдовали его? Бойтесь меча: ибо жестокость преступленія есть достойное меча, тогда узнаете, что есть судъ“! (25—29).

Эта трогательная, потрясающая рѣчь не имѣла вліянія на смягченіе рѣзкихъ рѣчей друзей Іова, оскорбленныхъ послѣдними словами страдальца, или же предшествующею рѣчью. Начинаетъ говорить третій изъ друзей Софаръ; но говорить такъ, какъ обыкновенно говорятъ тѣ, кои чувствуютъ надъ собою перевѣсъ другаго и однако слишкомъ мало имѣютъ великодушія или слишкомъ много самолюбія, чтобы отдать этому другому справедливость. Въ такомъ случаѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ высокомѣрію и желчной, хотя и безсильной насмѣшкѣ. Такимъ высокомѣріемъ отзываются первыя слова Софара: разсудокъ мой заставляетъ меня говорить еще; особенно по причинѣ волненія, во мнѣ происходящаго; я слышу упрекъ, обидный для меня, и духъ мудрости моей отвѣчаетъ за меня (20, 2—3). Развѣ не знаешь ты, что величіе незаконныхъ кратковременно, и слава лицемѣра мгновенна, хотя бы величіе его возрасло до небесъ и слава его касалась облаковъ (4—6). По такому началу слѣдовало бы ожидать, что

Софарь скажетъ что-либо новое, но напрасное ожиданіе, онъ повторяетъ съ насмѣшливымъ тономъ общую мысль, уже не разъ высказанную друзьями, что праведный судъ Божій постигаетъ лишь грѣшниковъ беззаконныхъ, что слѣдовательно — недосказанная мысль—Іовъ, если страдаетъ, то подѣломъ. Но Іову уже наскучило слышать подобныя разсужденія; онъ не возбуждается, не оправдываетъ своей невинности прямо, не нападаетъ на друзей и не возстаетъ на Бога; въ его рѣчи слышится болѣе спокойствія, чѣмъ въ предшествующихъ. Выслушайте рѣчь мою, говоритъ онъ, это будетъ вмѣсто утѣшительныхъ великихъ; позвольте мнѣ говорить; когда я поговорю, — послѣ того ругайтесь. Указавъ на свое жалкое положеніе, онъ спокойно, но сильно указываетъ на то, что нечестивые — вопреки тому, что утверждаютъ друзья, часто живутъ счастливо: дѣти ихъ находятся предъ лицомъ ихъ, и внуки ихъ предъ глазами ихъ; дома ихъ въ мирѣ и безъ страха; коровы ихъ зачинаютъ и не выкидываютъ; дѣтей у нихъ, какъ стадо, и ребята ихъ прыгаютъ и пр. и пр., тогда какъ они говорятъ Богу—отойди отъ насъ, и знать путей твоихъ мы не хотимъ. Что за Вседержитель, которому мы служить должны?... и пр. и пр.. Но часто ли на нихъ находить бѣда? Скажете: несчастіе его бережетъ Богъ для дѣтей его? Нѣтъ, ему бы онъ долженъ былъ отдать, чтобы онъ самъ чувствовалъ; его глаза должны бы видѣть бѣду свою; онъ самъ долженъ бы испить чашу гнѣва Божія: ибо какое ему дѣло до дома своего послѣ себя? Выходитъ, что грѣшники на ряду съ праведными живутъ счастливо, и праведники вмѣстѣ съ грѣшниками страдаютъ. Но почему? Вотъ, я знаю ваши мысли и хитрости, какими вы хотите сразить меня, продолжаетъ Іовъ—потомъ показавъ изъ свидѣтельствъ путешественниковъ, что таковыя беззаконники—счастливыцы есть на свѣтѣ, заключаетъ: какъ же вы утѣшаете меня пустымъ? И такъ въ вашихъ словахъ остается только упорство!

Этою рѣшительною, но спокойною уже рѣчью оканчивается второй кругъ бесѣды Іова съ друзьями о причинахъ его бѣдствія. Друзья Іова, въ этомъ кругу бесѣды, впали въ очевидную односторонность сужденій; главная мысль ихъ сужденій —та, что Богъ являетъ свою правду въ наказаніяхъ, которымъ подвергаются неправедники, что слѣдовательно если Іовъ терпитъ бѣду, то онъ грѣшникъ. Сужденія ихъ очевидно теряютъ силу, ибо правда Божія понимается ими только какъ наказаніе за грѣхи, и совершенно опускается изъ виду дру-

гая сторона откровенія этой правды—въ отношеніи къ благочестивымъ,—въ каковомъ случаѣ является она милостію и любовію. Правда, они говорятъ, что нѣтъ человѣка праведнаго предъ Богомъ,—но не разрѣшаютъ той загадки,—почему же не всѣ терпятъ, какъ онъ—Іовъ,—почему благоденствуютъ беззаконники. Эта односторонность облегчаетъ Іову оправданіе себя; страшныя изображенія порока и его наказанія, въ сознаніи своей невинности Іовъ не прилагаетъ по праву къ себѣ, какъ того хотѣлось бы друзьямъ, и потому ихъ нападки считаетъ пустыми и—изъявляетъ надежду, что Богъ, теперь врагъ его, со временемъ въ оправданіи его—невиннаго, осудитъ нападки друзей его,—несправедливыя и пустыя: ибо, вопреки ихъ доказательствамъ беззаконники не всегда страдаютъ, а добродѣтельные не всегда благоденствуютъ, какъ показываетъ опытъ. Съ другой стороны, друзья Іова считаютъ настоящія его рѣчи преступленіемъ, которое требуетъ наказанія; но Іовъ говоритъ, что они вызваны только жгучей болью и мученіемъ его положенія и—выражаетъ вѣру въ Бога, доказывая, что друзья его не правы въ подозрѣніяхъ своихъ касательно его.

4. Противъ послѣдней рѣчи Іова, въ которой ясно показана односторонность сужденій его друзей, трудно было имъ сказать что-либо. Однако же они дѣлаютъ послѣднюю попытку,—побѣдить гордое, по ихъ мнѣнію, самомнѣніе Іова, и—начинается третій кругъ бесѣды (22—32). Елиѣазъ опять первый начинаетъ рѣчь, и рѣчь рѣзкую, въ которой онъ не щадитъ уже нисколько друга своего Іова, высказываетъ прямо и рѣзко все, что есть на душѣ у него касательно бѣдствій Іова, весьма справедливо замѣчаетъ, что добродѣтель человѣка не приноситъ никакой пользы Богу и что слѣдовательно напрасно думать о ней, какъ заслугѣ: „развѣ Богу доставляетъ человѣкъ пользу?—какая нужда Вседержителю, что ты добръ, и какая выгода, что ты пути свои держишь чисто?—Не ужели Онъ, опасаясь тебя, станетъ наказывать тебя и—пойдетъ съ тобою въ судъ? (22, 2—4).—Эти умныя слова составляютъ переходъ къ прямому, рѣзкому и жестокому обличенію: нѣтъ, продолжаетъ Елиѣазъ,—вѣрно пороки твои велики и нѣтъ конца беззаконіямъ твоимъ, и—потомъ начинается перечень такихъ пороковъ въ Іовѣ, которые представляютъ его не справедливымъ человѣкомъ, угнетателемъ невинности;—обвиняетъ его въ такомъ развращеніи, какое было у людей перваго міра

предъ потопомъ (5—20); въ этой жестокой рѣчи высказалось прямо все, что было на душѣ друзей, и что они преждестарались болѣе или менѣе удерживать въ себѣ и приводить страдальца къ сознанию этого другими путями.—Чтобы смягчить нѣсколько эту жестокую рѣчь,—онъ обращается съ дружескимъ увѣщаніемъ къ Іову, чтобы онъ примирился съ Богомъ,—и яркими чертами изображаетъ благоденствіе Іова послѣ примиренія: примиришься съ нимъ и благоденствуй; чрезъ это придетъ къ тебѣ счастье и пр. (21—22 и д.) ибо кто смиряется, того Богъ возноситъ и преклонившаго глаза къ землѣ счастливитъ (29).—Это послѣднее, рѣзко выраженное обличеніе, не произвело раздражающаго впечатлѣнія на Іова, потому что и въ прежнихъ нападкахъ онъ уже видѣлъ ту же обличительную мысль, хотя и скрываемую, впрочемъ, плохо,—читалъ ее въ сердцахъ своихъ друзей, свылся съ нею и ждалъ, что она должна же наконецъ ясно выразиться и —потому, приготовленный къ ней не раздражался.—Безъ болѣзненной раздражительности, съ спокойнымъ величіемъ, кроткими словами, онъ еще разъ выражаетъ сознаніе своей невинности предъ Богомъ, въ увѣренности, что она нашла бы оправданіе предъ престоломъ Божиимъ, если бы можно было ему предстать предъ Іегову: „о если бы я зналъ, гдѣ найти Его (Іегову), и могъ придти предъ престоломъ Его! я изложилъ бы предъ нимъ правое дѣло, и представилъ бы полныя уста доказательствъ; узналъ бы я, что Онъ мнѣ отвѣтитъ, и увидѣлъ бы что Онъ скажетъ мнѣ! Неужели бы Онъ въ полнотѣ величія Своего сталъ судиться со мною? Нѣтъ, только бы Онъ обратилъ вниманіе на меня; тогда праведникъ судился бы съ Нимъ, и—я вышелъ бы отъ Него чистъ! Но пойду впередъ—нѣтъ Его; назадъ,—и не вижу Его!—А если бы испыталъ меня,—я вышелъ бы, какъ золото! Нога моя твердо стояла на стезѣхъ Его; пути Его я держался и не сходилъ; отъ заповѣдей Его я не отклонялся, глаголы устъ Его я хранилъ болѣе, нежели мои правила. Но Онъ твердъ и—кто отклонить Его? Чего душа Его пожелаетъ, то Онъ и сдѣлаетъ, Онъ выполнитъ положенное на мнѣ. Потому-то я трепещу лица Его. Богъ разслабляетъ сердце мое и Вседержитель приводитъ меня въ содраганіе“ (23, 1—16). Неосновательныя нападенія Елиѣаза онъ не удостоиваетъ никакого прямого отвѣта, а только повторяетъ, какъ всѣмъ извѣстное и каждымъ видимое, что нечестивые весьма часто блаженствуютъ на землѣ, и то и другое и третье—все у нихъ хорошо и благоуспѣшно, все схо-

дѣть съ рукъ, что они ни дѣлають, тогда какъ участь таковыхъ должна бы быть проклятою на землѣ, а они благоденствуютъ. „Не такъ ли, спрашиваетъ въ заключеніе Іовъ, кто обличить меня во лжи, и въ ничто обратить рѣчь мою? (24, 1—25).

Что можно было отвѣчать на эту рѣчь? факты, которые Іовъ во второй разъ противопоставляетъ утвержденію друзей, не могли подлежать сомнѣнію, какъ извѣстные изъ опыта; рѣзкихъ нападокъ на Іова они должны были уже стыдиться, потому что новаго въ нихъ они уже ничего не могли высказать, должны были еще повториться; и притомъ могли же наконецъ видѣть и истину въ словахъ страдальца. Вотъ почему второй изъ друзей,—въ отвѣтъ на рѣчь Іова говоритъ краткую лишь рѣчь (5 двустийшій),—въ которой высказываетъ опять лишь ту общую мысль, что человѣкъ ничто предъ Богомъ, если даже весь міръ — и луна и звѣзды — все ничто предъ Его величіемъ и силою (25). Въ этой рѣчи открылось все безсиліе доказательствъ друзей Іова, и онъ въ сознаніи превосходства своего съ ироніей отвѣчаетъ Валдаду: Э! какъ ты помогъ безсильному, какъ поддержалъ руку нетвердую! О! какой совѣтъ ты далъ не умному, и какую высказалъ мудрость великую! Кому ты говорилъ такіа слова, и — чей духъ исходитъ изъ тебя? (26, 2—4). Чтобы представить, какъ хорошо понимаетъ онъ величіе и славу Божию, предъ котораго ничто весь міръ, что друзья Іова постоянно представляли ему предъ глаза, какъ доказательство противъ гордости и самомиѣнія въ рѣчахъ его — онъ въ великолѣпныхъ образахъ представляетъ величіе Божіе и Его могущество, предъ которымъ человѣкъ ничто, и за тѣмъ перечисливъ великія явленія природы, которыя легко совершаетъ Богъ, онъ заключаетъ: „и это только край путей Его, и мы слышимъ лишь нѣкоторый шопотъ слова Его, а громъ могущества Его кто можетъ себѣ представить?—(5—14). Этой рѣчью Іовъ показалъ друзьямъ, что онъ не хуже ихъ понимаетъ то, что они такъ уцорно представляютъ ему въ доказательство, будто онъ грѣшникъ, и ему необходимо покаяться, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается безсильнымъ и послѣдній аргументъ ихъ противъ невинности Іова. — Они замолчали, и Софаръ, которому по очереди приходилось отвѣчать на слова Іова, ничего не сказалъ и не открылъ рта своего — побѣда явно была на сторонѣ Іова, и онъ воспользовался молчаніемъ друзей, чтобы раскрыть безпренятственно свои мысли и чувства во всей ихъ полнотѣ,

чему прежде препятствовалъ споръ; съ умѣренностію и высокою мудростію въ двухъ рѣчахъ обозрѣваетъ онъ вкратцѣ всѣ тѣ предметы, о которыхъ шелъ споръ и произноситъ свое рѣшительное сужденіе о своемъ положеніи, о правдѣ Божіей въ отношеніи къ его невиннымъ страданіямъ и о сужденіяхъ друзей своихъ (27—31).

Онъ начинаетъ рѣчь клятвою предъ Богомъ, который лишаетъ его правъ его, и Вседержителемъ, который огорчаетъ душу его,—клятвою, что доколѣ есть въ ноздрахъ его дыханіе и духъ Божій въ тѣлѣ его, онъ не изречетъ неправды, и языкъ его не выскажетъ лжи: „Отнюдь не признаю васъ правыми, пока не умру, и не дамъ отнять у меня моею невинности; крѣпко держу правду и не опущу; сердце мое не опорочитъ ни одного изъ дней моихъ. Эта мысль утѣшаетъ его.—Лицемѣръ, какъ бы онъ счастливъ ни былъ, какъ бы богатъ ни былъ, какую еще можетъ имѣть надежду тогда, когда Богъ отнимаетъ у него жизнь? Можетъ ли онъ съ отрадою помышлять о Богѣ, и съ радостію молиться Ему? Услышитъ ли Богъ его, когда постигнетъ его бѣда?—Можетъ ли онъ утѣшаться Вседержителемъ и призывать Бога во всякое время? (27, 1—10) Значитъ, если Іовъ отдаетъ себя на судъ Богу: то онъ не лицемеръ.—Но онъ гордъ и заносчивъ, дерзокъ противъ Бога? Опять нѣтъ! Іовъ оправдывается и въ этомъ: если кажется, что онъ отвергаетъ праведный судъ Божественный въ мірѣ; то это не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ не признавалъ Божественныхъ міроправительныхъ законовъ,—презиралъ Божественный порядокъ въ мірѣ, по которому злые всегда должны ожидать себѣ наказанія; нѣтъ, онъ вполне признаетъ эту непреложную истину, и раскрываетъ её не хуже друзей (13—23); но въ томъ смыслѣ нужно понимать его рѣчи о правдѣ Божіей, что она непостижима,—наказываетъ, кого вздумаетъ, а—почему? Великая загадка здѣсь, великая премудрость,—но гдѣ эта премудрость, какъ уразумѣть ее человѣку? Многое сокровенное доступно для человѣка, человѣкъ много можетъ дѣлать и дѣлаетъ: онъ проникаетъ внутрь земли, узнаетъ её, извлекая пользу для себя; онъ тѣмъ ставитъ предѣлъ, и мало ли чего онъ дѣлаетъ, что не доступно ни орлу, ни коршуну, ни звѣрямъ величавымъ, ни льву (28, 1—11); но премудрость гдѣ найти? и гдѣ мѣсто разума? Не знаетъ человѣкъ цѣны ея и не обрѣтается она на землѣ живыхъ. Бездна говоритъ—не во мнѣ она, и море говоритъ—нѣтъ ея у меня. Нельзя дать за неё сокровища и въ уплату

за нее нельзя отвѣсить серебра; не оцѣнивается она офирскимъ золотомъ и пр.—откуда же происходитъ премудрость и—гдѣ мѣсто разума? Сокрыта она отъ очей всего живущаго, и отъ птицъ небесныхъ утаена; одинъ Богъ знаетъ путь къ ней, и одинъ Онъ вѣдаетъ мѣсто ея; когда Онъ полагалъ вѣтру вѣсь и водѣ опредѣлялъ мѣру, когда дождю назначалъ черту и путь громовой стрѣлы: тогда Онъ видѣлъ и исчислилъ её, поставилъ её и изслѣдовалъ; а человѣку сказалъ: вотъ, страхъ Божій есть премудрость и удаление отъ зла—разумъ (28, 12—28). Если такъ разсуждаетъ Іовъ о премудрости и разумѣ, можно ли упрекать его въ гордости и дерзости,—что будто бы онъ присвоитъ себѣ вѣчную Божию премудрость и кичится предъ Богомъ, оправдываясь въ своей невинности? Очевидно нѣтъ; при этомъ представленіи кичиться нельзя, скорѣе друзья его кичатся, нападая на него. „Къ чему же было такъ много пустословить? спрашиваетъ Іовъ друзей своихъ, представляя, что они лучше Іова знаютъ Божию мудрость въ управленіи міромъ, и однако же понимая её совершенно одно-сторонне и не постаравшись вникнуть въ мысль страдальца, Это—послѣдняя рѣчь Іова, обращенная къ друзьямъ въ отраженіе ихъ нападений.—Друзья молчатъ, Іовъ чувствуетъ себя побѣдителемъ, и снова начинаетъ рѣчь; но эта рѣчь уже мало относится къ друзьямъ и составляетъ задумчивый разговоръ Іова съ самимъ собою, сердечное размышленіе о положеніи своемъ и причинѣ его, въ которомъ онъ опять ясно, открыто и съ силою высказываетъ свою прежнюю мысль объ этомъ. Жалобно сначала воспоминаетъ онъ о своей прежней жизни,—о тѣхъ дняхъ, когда Богъ хранилъ его, когда свѣтильникъ Іеговы свѣтло горѣлъ надъ головою его, и при свѣтѣ его онъ ходилъ среди тьмы и не спотыкался (29, 1—3); слѣдуетъ превосходное, подробное описаніе его счастливыхъ дней, когда все у него было такъ хорошо, и когда онъ имѣлъ возможность много дѣлать добра, когда всё его веселило, когда онъ жилъ, какъ царь среди войска, какъ утѣшитель плачущихъ (4—25).—За тѣмъ грустный взоръ его устремляется къ настоящему, которое совершенно противоположно его прежнимъ счастливымъ днямъ, настоящему, когда всѣ исчадія ада напали на него (30, 1—15). Этотъ взглядъ на бѣдственное настоящее въ сравненіи съ счастливымъ прошедшимъ снова взволновали его чувство и снова съ горькою жалобою обращается онъ къ Богу,—что Онъ такъ поступаетъ съ нимъ: Ты какъ вѣтеръ развѣялъ мое величіе (15 31). Развѣ Онъ

не видить путей моихъ и не исчисляеть всѣхъ шаговъ моихъ? продолжаетъ Іовъ въ скорбномъ сознаніи своихъ бѣдствій не заслуженныхъ, и начинаетъ оправдывать свою невинность подробнымъ перечисленіемъ своихъ высокихъ и чистыхъ правилъ, которыми руководствовался онъ въ продолженіи своей жизни, анализируетъ свои внутреннія чувства и находитъ себя не повиннымъ предъ Іеговою, не заслуживающимъ такихъ страшныхъ бѣдствій, какія терпитъ онъ (31, 1—34). О, если бы кто выслушалъ меня, заключаетъ страдалецъ обозрѣвъ свою прошлую жизнь и находя себя правымъ. Вотъ мое положеніе! Да отвѣтствуетъ Вседержитель! Пусть бы соперникъ мой записалъ отвѣтъ на письмѣ; я положилъ бы его себѣ на плечо; украсилъ бы себя имъ, какъ діадимою; число шаговъ моихъ пересказалъ бы ему; подошелъ бы я къ нему, какъ князь: вопіяла ли на меня земля моя и плакали ли борозды ея? Ълъ ли произведенія ея не за серебро и отнималъ ли душу у владѣльцевъ ея? Тогда пусть бы вмѣсто пшеницы выросъ волчець, и вмѣсто ячменя куколь! (35—40). Іовъ замолчалъ; друзья его не могли отвѣчать ему на это откровенное выраженіе мыслей о своемъ положеніи,— не могли: ибо истощилась сила ихъ доказательствъ противъ словъ Іова; нѣкто не осмѣливался разувѣрять его въ правотѣ его дѣла.—Одинъ только изъ друзей, пришедшихъ къ Іову, доселѣ молчавшій, почувствовалъ силу, потребность и возможность говорить, и послѣ не длиннаго вступленія произноситъ длинную рѣчь.— Но эта рѣчь имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ прежнія рѣчи друзей Іова: она относится къ правильному разрѣшенію предложенной проблемы, вмѣстѣ съ рѣчью Іеговы къ Іову и историческимъ эпилогомъ.—Пренія Іова съ друзьями предложенною выше рѣчью Іова окончились, и—мы, прежде чѣмъ приступимъ къ анализу содержанія рѣчей Елигу и Іеговы, и сужденію о нихъ, обратимся еще разъ къ спорнымъ рѣчамъ Іова съ друзьями и выскажемъ сужденіе о нихъ, и къ чему привели онѣ, и какое значеніе онѣ имѣютъ для разрѣшенія предложенной проблемы—объ отношеніи правды Божіей къ дѣйствіямъ человѣческимъ, праведнымъ и неправеднымъ?

Во 1-хъ рѣчь о рѣчахъ друзей Іова: что сначала сказали они, то само въ себѣ, безъ отношенія къ частному извѣстному данному случаю, истинно: они имѣли полное право правду и величіе Божіе противопоставлять слабости и грѣховности человѣка и считать вѣрнымъ понятіе о томъ порядкѣ міра,

по которому надъ незаконными является карающая правда Божія. Но такъ какъ они явленіе этой правды понимаютъ совершенно ограниченно, вѣдше, и извлекаютъ такимъ образомъ изъ понятія о ней ложныя слѣдствія въ отношеніи къ Іову, думая, что уже если Іовъ бѣдствуетъ, значитъ онъ грѣшникъ, преступникъ: то этимъ самымъ поставляютъ себя въ ложное положеніе въ отношеніи къ Іову, и это ложное положеніе ясно дало знать себя въ томъ, что они колеблются, перемѣняютъ характеръ разговора, впадаютъ въ явную односторонность, хитрятъ, скрытничаютъ, не досказываютъ сначала, и наконецъ доходятъ до того, что даже прямымъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла не могутъ поправить себя и принуждены молчать, признавая тѣмъ, что Іовъ правъ; это ясно показываетъ, что у нихъ была ложная точка зрѣнія на причины бѣдствій Іова.

Что касается до Іова: то въ началѣ, въ первыхъ его рѣчахъ замѣтно опасное состояніе его, не далекое отъ отпаденія отъ Бога.—Впрочемъ его благочестіе прежнее, столь высокое и твердое, какимъ представляется оно въ началѣ книги, не могло такъ скоро сокрушиться, какъ кажется, и эта откровенность, эта сердечность, по которой онъ ничего не утаиваетъ въ душѣ своей, но ясно выставляетъ на видъ и свою силу и свою слабость,—привноситъ съ собою въ его сердце возрастающую крѣпость духа и болѣе многостороннее размышленіе.—Такъ въ продолженіе первыхъ рѣчей, какъ будто представляется, что онъ, считая Іегову врагомъ себѣ, вражески на него нападающимъ, открыто возмущается противъ Него; но уже и въ этихъ рѣчахъ самаго перваго круга бесѣды онъ самъ сознается и высказываетъ, что этотъ вопль происходитъ у него единственно изъ невыносимой тяготы душевной; въ рѣчахъ втораго круга проторгается у него надежда на будущее оправданіе и благословеніе, и онъ съ радостію, хотя и болѣзненно, высказываетъ эту надежду, къ концу этого круга рѣчей, онъ видитъ возможность обратить собственное оружіе друзей противъ нихъ, и когда они хотѣли уклониться отъ его ударовъ и въ рѣчахъ третьяго круга бесѣды пытались прямо и открыто поразить Іова, онъ снова является съ прежнимъ оружіемъ и выходитъ совершенно побѣдителемъ; а когда друзья его уже замолчали, и онъ началъ прямѣе и спокойнѣе высказывать свои мысли, то изъ рѣчи его ясно уже видно, въ чемъ заключается мысль его, примиряющая его съ

его страданіями: вопросъ о томъ, почему правда Божія относится не одинаково къ дѣйствіямъ человѣческимъ, онъ разрѣшаетъ тѣмъ, что премудрость Божія не изслѣдима, что ея нельзя понять человѣку.

Но все это впрочемъ не значитъ, что самъ Іовъ правъ; и онъ односторонне рассуждаетъ о причинахъ своихъ бѣдствій и весьма не правъ въ своихъ рѣзкихъ рѣчахъ противъ Бога; онъ опускаетъ изъ виду совершенно во первыхъ естественную виновность человѣка предъ Богомъ, на которую между прочимъ указывали ему друзья его и которой онъ рѣшительно не далъ никакого значенія; потомъ онъ не взвѣсилъ достаточно важность своихъ жалобъ на Бога и виновность этихъ жалобъ; наконецъ, онъ долженъ былъ подумать, что Іегова безъ причины не наказываетъ человѣка и не становится ему врагомъ изъ за ничего; оттого въ жалобахъ своихъ на Бога онъ становится въ прямое противорѣчіе съ собою, — жалуется, а вмѣстѣ сознается, что премудрость Божія не изслѣдима; оттого жалобы его и упорное оправданіе своей невинности становятся дерзкими, или лучше не осторожными, хотя это и объясняется мучительнымъ его положеніемъ, смутною тоскою болѣзни, не выносимой. Итакъ, если друзья Іова односторонне и погрѣшительно рассуждаютъ о правдѣ Божіей въ отношеніи къ дѣйствіямъ человѣческимъ, объясняя причину бѣдствій Іова: то и самъ Іовъ не полно объемлетъ и объясняетъ этотъ вопросъ, что совершенно понятно съ точки зрѣнія Вѣтхо-завѣтнаго закона, но не Евангелія.

б) Всѣ эти рѣчи слышалъ и понималъ молчавшій во все время спора молодой другъ Іова Елигу. — Онъ конечно не виноватъ былъ въ томъ, что три друга жестоко обвиняли Іова, не имѣя достаточныхъ причинъ для этого и погрѣшая въ своихъ сужденіяхъ, что съ другой стороны Іовъ, считая себя чуждымъ всякаго преступленія и недостойнымъ наказанія, считалъ себя правымъ совершенно предъ Богомъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за спорами, но не могъ, по своей молодости, говорить за, или противъ; теперь же, когда не только друзья Іова, но и самъ Іовъ замолчали, онъ воодушевляется и начинаетъ говорить (гл. 32). Рѣчь его полна истины и утѣшенія, не видно ни жестокаго тона обличенія, ни противорѣчій, вызванныхъ личнымъ оскорбленіемъ, ни гнѣвныхъ обвиненій, ни гордости, хотя рѣчь его подчасъ вспыльчива, молода, горяча; онъ хочетъ только предостеречь

и привести къ вѣрному сужденію и рѣшенію предложеннаго вопроса,—о причинѣ бѣдствій Іова. То была, какъ мы замѣтили, неосторожность Іова и несправедливость въ его воззрѣніи, что онъ считалъ себя *совершенно* чистымъ предъ Богомъ и приписывалъ Богу желаніе мучить его, вражескому расположенію Его, безцѣльному, не заслуженному, опроверженіе этого составляетъ содержаніе первой рѣчи молодого Елигу (33).—Ей предпослано небольшое вступленіе, въ которомъ Елигу показываетъ свое внутреннее состояніе и важность рѣчи своей: (32, 6 и дал.—33, 1—6). Приступая къ дѣлу, Елигу напоминаетъ прежде всего Іову, что онъ оскорбительнаго и недостойнаго сказалъ противъ Бога; о всемъ другомъ онъ имѣлъ право говорить такъ, какъ говорилъ, но о Богѣ никогда. Можетъ ли онъ препираться съ Богомъ и говорить, будто Богъ оставляетъ человѣка, не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла—даже вражески поступаетъ съ нимъ, не хочетъ съ нимъ говорить и ему открываться? Нѣтъ, Богъ, несравненно вышій человѣка, не отдающій никому отчета въ Своихъ дѣйствіяхъ, открывается человѣку не только воснахъ и видѣніяхъ, предостерегая его отъ гордости или отъ какого-либо порока, но и въ бѣдствіяхъ и болѣзняхъ, которыя такъ же составляютъ откровенія Бога человѣку для того, кто можетъ понимать и знать цѣну подобныхъ откровеній. И такимъ-то образомъ Богъ говоритъ къ человѣку дважды и трижды не для того, чтобы ввергнуть его въ бездну бѣдъ или свести въ могилу, а для того, чтобы предостеречь или вразумить человѣка (8—30). Внемли, Іовъ, заключаетъ Елигу, слушай меня, молчи, и я буду говорить. Если имѣешь, что сказать, отвѣчай; говори, потому что я желалъ бы твоего оправданія. Если же нѣтъ; то слушай меня, молчи, и я научу тебя премудрости (31—33)“. Іовъ не могъ не сознать, что онъ слышитъ другаго противника, и не такого, какъ прежніе; замѣчаетъ другой характеръ рѣчи; не можетъ сказать чего-либо противъ истины словъ молодого друга и—молчить. Елигу начинаетъ снова: послѣ новаго короткаго вступленія, въ которомъ онъ проситъ вниманія къ словамъ своимъ, потому что онъ хочетъ изыскивать правду и судить, что хорошо (34, 1—3), Елигу напоминаетъ Іову, что онъ жаловался, будто Богъ лишилъ его права и будто Богъ мучаетъ его безъ вины. „Есть ли гдѣ такой человѣкъ, восклицаетъ Елигу, какъ Іовъ, который пьетъ безумство, какъ воду, ибо онъ говоритъ: нѣтъ пользы человѣку быть въ благоволеніи у Бога“ (5—9). Но какъ мо-

жетъ взоити такая мысль въ сердце человѣка, когда даже самое представленіе о правѣ и правахъ и справедливости, происходитъ лишь изъ представленія о Богѣ, который по любви Своей какъ создалъ вселенную, такъ и управляетъ ею: Онъ и высокое и низкое у людей равно оцѣниваетъ и воздастъ каждому должное; отъ Него не скрыты всѣ тайные слѣды человѣка; Онъ, значитъ, и править судьбами частныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, такъ, что правда Его открывается вполне (10—30). И такъ, заключаетъ эту рѣчь Елигу: „къ Богу должно говорить: я потерпѣлъ, больше не буду грѣшить. А чего я не знаю, ты научи меня“ (ст. 31—32). И за тѣмъ вызываетъ опять Іова къ отвѣту, свидѣтельствуясь здравымъ смысломъ въ томъ, что Іовъ не умно говорить, и изъясняя желаніе вполне оцѣнить рѣчи Іова для блага его же, именно изъ предосторожности, чтобы Іовъ въ сознаніи своей правоты не наговорилъ еще чего-либо противъ Бога (35—37). Іовъ опять молчитъ, Елигу начинаетъ снова: онъ напоминаетъ еще Іову его слова „что за выгода, что онъ, Іовъ, праведенъ и невиненъ, — не все ли бы равно, какъ если бы онъ былъ грѣшенъ?“ — и указавъ, что для Бога все равно, грѣшенъ ли онъ, вѣтъ ли, что грѣхомъ своимъ онъ ничего не сдѣлалъ бы Ему, и добродѣтелю не одолжилъ бы Его, — Елигу переходитъ къ другимъ словамъ Іова, что „праведные страдаютъ и вообще бѣдные терпятъ“, — и утверждаетъ, что если это такъ дѣйствительно кажется: это значитъ, что Богъ поражаетъ ихъ гордость, хотя эта гордость и не видима людьми. Іовъ, чрезъ приложеніе этой мысли къ себѣ самому, могъ понять, что его полное оправданіе себя предъ Богомъ не умѣстно, а Елигу изъ того, что Богъ теперь же и не поражаетъ гордости Іова, заключаетъ, что можетъ быть потому-то Іовъ и наскзалъ столько пустословія (35, 1—13). Іовъ еще разъ молчитъ, не находя что-либо сказать противъ рѣчи друга, хотя и нѣсколько рѣзкой, которая нѣсколько ранѣе вѣроятно вынудила бы горькія жалобы, а теперь, когда въ предшествовавшей рѣчи высказано такъ много правды, заставила его сознать справедливость и теперешнихъ словъ друга, и — Елигу снова начинаетъ послѣднюю рѣчь. Въ этой послѣдней рѣчи онъ высказалъ все остальное, что могъ сказать въ защиту Бога и оправданіе своего страждущаго друга, на что указываютъ слова предисловія къ этой рѣчи: подожди меня немного, и я научу тебя: ибо есть еще слова за Бога; издалека возьму познанія мои и воздамъ достодолжное Создателю моему; точно

слова мои не ложь, предъ тобою человекъ съ полными свѣдѣніями (36, 2--4). Главная мысль этой рѣчи прямо выражена въ самомъ началѣ: се „Богъ великъ, но никого не презираетъ, потому что Онъ великъ могуществомъ разсудительнымъ (5), эта мысль повторяется и въ другихъ мѣстахъ рѣчи, и развивается такъ: если Богъ при величїи Своемъ не презираетъ никого, то отдаетъ всѣмъ должное, и праведникамъ и беззаконнымъ; если же первые и терпятъ иногда не соразбразное, по видимому, съ ихъ дѣлами, то этимъ Богъ смиряетъ ихъ гордость, и—только беззаконники и лицемеры раздражаются этимъ и не хотятъ смириться и—наказываются еще болѣе, тогда какъ смиренные избавляются отъ бѣды. И съ Іовомъ онъ тоже сдѣлаетъ, если онъ покажетъ смиреніе; въ противномъ случаѣ, ему нужно страшиться гнѣва. Значитъ Іову нужно быть весьма осторожнымъ въ настоящемъ случаѣ и не идти на новую прю съ Богомъ; Богъ высокъ и—кто можетъ указывать Ему, когда человекъ не понимаетъ ничего въ Его дѣйствїяхъ и явленїяхъ, даже въ видимой природѣ (6. 33—37, 1). Затѣмъ Елигу начинаетъ изображать величїе Божїе въ величественныхъ явленїяхъ природы. Поэтъ даетъ знать, что въ это время начиналась уже та буря, въ коей Богъ шелъ для суда съ Іовомъ, и это даетъ Елигу случай съ большимъ одушевленїемъ говорить, какъ все движется по распоряженію промысла (37, 2—13). Этихъ и подобныхъ явленїй никто не понимаетъ, какъ же говорить, что кто-либо погибаетъ отъ неправосудїа Божїа (14—22)? Вседержитель, заключаетъ Елигу свою рѣчь, мы не понимаемъ Его! Онъ великъ силою! По правосудію и множеству правды Онъ никого не угнетаетъ. Посему, да благоговѣютъ предъ Нимъ человекѣ, и да трепещутъ предъ Нимъ мудрые сердцемъ (23—24). Послѣ этого Самъ Іегова является для суда съ Іовомъ. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ анализу рѣчей Іеговы, бросимъ взглядъ на значенїе рѣчей Елигу въ ихъ отношенїи къ предшествующимъ рѣчамъ Іова и друзей, и опредѣлимъ значенїе ихъ для разрѣшенїя вопроса, составляющаго содержанїе всей книги.

Исходный пунктъ для оцѣнки этихъ рѣчей составляютъ очевидно слова историческаго вступленїа къ этимъ рѣчамъ,— что Елигу воспылалъ гнѣвомъ своимъ на Іова за то, что онъ оправдывалъ себя предъ Богомъ, и—на друзей его за то, что они не нашлись что отвѣчать, а между тѣмъ обвиняли Іова

(32, 2—3). Іовъ погрѣшилъ въ своихъ рѣчахъ, какъ мы замѣчали, въ троякомъ отношеніи: а) онъ неправильно понимаетъ свою невинность и чистоту предъ судомъ правды Божіей и потому—слишкомъ смѣло вызывалъ Бога на судъ съ собою и жаловался, что Онъ не является ему для суда, б) онъ подвергалъ слишкомъ смѣло сомнѣнію откровеніе Божественной правды въ мірѣ и наконецъ в) находилъ какъ будто противорѣчіе между Божественною силою и добромъ.--Елигу нападаетъ на неправоту Іова въ этихъ трехъ отношеніяхъ: онъ показываетъ, а) что Богъ открывается человѣку и во снѣ и въ видѣніи и наконецъ въ скорбяхъ и болѣзняхъ и вразумляетъ его тѣмъ, поражая его гордость или предостерегая отъ нечистаго дѣла; б) что правда Божія всюду открываетъ себя ясно, и если праведники по временамъ страдаютъ, что по видимому противорѣчитъ правдѣ Божіей: то надобно при этомъ имѣть въ виду, что ихъ страданіе спасительно для нихъ: ибо возбуждаетъ или имѣетъ въ виду возбудить въ нихъ сознаніе своей грѣховности и—научая ихъ смиренію и поражая самомнѣніе, которое можетъ закрасться въ сердце,—тѣмъ самымъ возвышаетъ добродѣтель; и наконецъ в)—что Всемогуцій Богъ никого не презираетъ, а напротивъ, какъ чадолюбивый отецъ, снисходитъ къ людямъ; и слѣдовательно нѣтъ никакого противорѣчія между Его силою и добромъ, и—при томъ же человѣкъ такъ мало понимаетъ въ Его дѣйствіяхъ! Выводъ тотъ, что Іову нужно сознать свою грѣховность, нечистоту и ничтожество предъ Богомъ, т. е. смириться, въ чемъ и обнаружится истина его добродѣтели, и она укрѣпится и возвысится, и тогда—онъ будетъ правъ предъ Богомъ! Эта мысль о смиреніи предъ непостижимыми судьбами Бога составляетъ основаніе всей рѣчи Елигу; этого-то именно и недоставало досихъ поръ въ Іовѣ, и—вотъ почему Іовъ, зная справедливость его словъ, не противорѣчитъ ему, а слушаетъ молча. Елигу понимаетъ грѣхъ не какъ тотъ или другой частный проступокъ, но какъ неправоту, испорченность всякаго и всего человѣческаго сердца, которая—у всякаго смертнаго, рожденнаго отъ жены Адамовой, отъ которой никто очиститься не можетъ и по которой нечистъ и скверенъ всякій человѣкъ предъ чистымъ Богомъ; слѣдовательно правда Божія можетъ являться какъ наказывающая и карающая ко всякому человѣку, хотя бы онъ и не замѣчалъ за собою какихъ-либо особенныхъ частныхъ проступковъ. По такому

глубокому пониманію грѣха и отношенія къ человѣку правды Божіей, бѣдствія и несчастія являются какъ нѣчто совершенно необходимое, неизбежное для человѣка, чтобы онъ могъ участвовать въ царствѣ Божіемъ, какъ очищеніе общечеловѣческой грѣховности; но это очищеніе бѣдствіями совершается лишь тогда, когда человѣкъ сознаетъ свою грѣховность и потому принимаетъ и терпитъ бѣдствія безъ ропота, смиренно и покорно; такихъ смиренныхъ и покорныхъ, т. е. сознающихъ свою грѣховность, по выраженію Елигу, Богъ возвышаетъ и на престолѣ посаждаетъ вмѣстѣ съ царями. Съ этой точки зрѣнія бѣдствія и скорби являются уже не какъ кара и наказаніе, а какъ возвышеніе добродѣтели, очищеніе ея отъ примѣси всего, исходящаго изъ испорченнаго сердца, является, какъ милость и благодать Божія.—Великая истина, недоступная языческому міру, истина Евангельская, вложенная Богодуховеннымъ писателемъ книги въ уста Елигу!—Теперь понятно отношеніе этихъ рѣчей Елигу къ прежнимъ рѣчамъ друзей Іова и ея общее значеніе въ рѣшеніи раскрываемаго вопроса.—Общая мысль рѣчей Елигу съ общою мыслию, выраженной въ рѣчахъ трехъ друзей, одинакова,—именно: ни одинъ человѣкъ не правъ предъ Іеговою, и совершенно справедлива; но друзья слишкомъ внѣшне понимаютъ явленіе этой правды, какъ карающей за извѣстный тотъ или другой проступокъ или за нѣсколько проступковъ,—грѣховъ, какъ фактовъ, а не какъ грѣховности; отсюда у нихъ очень естественное, но ложное заключеніе, что уже если кто-нибудь терпитъ бѣдствія: то непременно за нимъ есть какой нибудь частный грѣхъ, преступленіе закона; а этого-то и не знаетъ за собой Іовъ, который сознаетъ, что онъ не преступалъ заповѣдей и повелѣній Іеговы и потому не виновенъ предъ Нимъ,—позабывая или не понимая, что хотв явной заповѣди онъ и не преступалъ, однако же общечеловѣческая грѣховность, испорченность въ немъ не уничтожена этимъ и — одна внѣшняя законность не дѣлаетъ человѣка правымъ предъ Богомъ, что онъ остается нечистъ предъ Нимъ, какъ человѣкъ, хотя и очищается и совершенствуется поступками по закону.—Съ этой-то внутренней болѣе стороны и понимается грѣхъ въ рѣчахъ Елигу, и это-то такъ отличаетъ его рѣчи отъ рѣчей прочихъ друзей, и это-то сообщаетъ имъ такой характеръ истины, обличающей односторонность и ложь выводовъ прежнихъ рѣчей друзей: человѣкъ не чистъ предъ Богомъ не тогда

только, когда преступаетъ ту или другую заповѣдь закона и не потому только, что преступаетъ, а нечистъ потому, что вообще человѣкъ испорченъ, грѣшенъ и неправеденъ предъ Богомъ, какъ человѣкъ, и потому достоинъ того, чтобы страдать въ жизни, и это страданіе есть милость Божія, благодать Божія, очищающая и оправдывающая человѣка предъ Богомъ, при его смиреніи и покорности. Итакъ въ основаніи рѣчей Елигу лежитъ то истинное воззрѣніе на отношеніе правды Божіей къ бѣдствіямъ праведниковъ, которое раскрыто въ совершенной ясности уже въ новомъ завѣтѣ, въ ученіи объ оправданіи человѣка предъ Богомъ и о судьбахъ Божіихъ въ бѣдствіяхъ праведниковъ. Обращаемся къ рѣчамъ Самаго Іеговы.

в) Когда Елигу, изобразивъ величіе Божіе въ явленіяхъ видимой природы, воскликнулъ: да благоговѣютъ предъ Нимъ люди и да трепещутъ предъ Нимъ всѣ мудрые сердцемъ, Іегова изъ вихря и бури сказалъ Іову: „кто чернитъ рѣчами Провидѣніе, ничего не разумѣя? Препояшь, какъ мужъ, чресла твои, и что я спрошу, объясни мнѣ“—и въ возвышенной рѣчи начинаетъ Іегова изображать величіе Свое и славу, поражая самоувереніе того, кто, забывъ свою оградѣнность и ничтожество предъ Іеговою, дерзаетъ вызывать Его на прію съ собою. Іегова указываетъ на чудо творенія неба и земли, при всеобщемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда торжествовали всѣ сыны Божіи; указываетъ на тайныя, недовѣдомыя силы природы, — на ту премудрость, которая видна въ законахъ неба и земли, равно какъ и въ законахъ разума человѣческаго—и требуетъ объясненія всего этого у Іова, если онъ въ состояніи объяснить это; указываетъ на премудрость въ сохраненіи всего сотвореннаго и спрашиваетъ—можетъ ли Іовъ понять, какъ все это дѣлается (38—39). Можетъ ли, спрашиваетъ въ заключеніе Іегова, можетъ ли теперь хулителъ спорить съ Вседержителемъ; порицающій Бога, отвѣчай на сіе! — Итакъ Іовъ теперь слышитъ откровеніе Іеговы, какъ желалъ того и даже жаловался, что Онъ высокъ и нельзя вызвать Его на прію съ собою, чтобы изложить предъ нимъ правду свою, какъ выражался Іовъ.—И что же, онъ не находитъ словъ теперь, чтобы оправдаться предъ Нимъ и отойти отъ престола Его чистымъ, какъ онъ прежде думалъ, надѣялся и говорилъ.—Если онъ и рѣчи Елигу слушалъ молча, безотвѣтно: то теперь, когда Самъ Іегова въ Своемъ величіи явился на судъ съ нимъ, слова замираютъ на устахъ: „Се, я

ничтоженъ! могъ только отвѣтитъ Іовъ,—что стану я отвѣчать тебѣ? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорить началъ и отвѣта не могу дать; а во второй разъ говорить уже не буду“. Іовъ смирился предъ Іеговою, созналъ все свое ничтожество предъ величіемъ и премудростію Его, явленными и являемыми въ мірѣ; но этого еще не довольно. Чтобы дать ему почувствовать всю вину его смѣлыхъ рѣчей, вызывавшихъ на прію Іегову, Іегова снова начинаетъ рѣчь къ Іову изъ бури и вихря: препояшь, какъ мужъ, чресла твои, и что я спрошу, объясни Мнѣ: ты ли хочешь ниспровергнуть правду Мою, обвинить Меня, чтобы оправдаться самому? — Такая ли у тебя рука, какъ у Бога, и гремишь ли ты голосомъ своимъ, какъ Онъ?“ и пр. (40, 7—9). Если слабый смертный ничего не можетъ сдѣлать съ нѣкоторыми изъ сильныхъ тварей Божіихъ, не можетъ безъ ужаса и содраганія даже взирать на нихъ, тѣмъ болѣе бороться съ ними: то кто же можетъ стать предъ лицомъ Іеговы,—кто можетъ держать съ Нимъ прію? — Вотъ бегемотъ... (10—41). Рѣчи Іеговы очевидно направлены къ тому же, къ чему и рѣчи Елигу, только еще сильнѣе, т. е. къ тому, чтобы показать все ничтожество человѣка предъ Богомъ и ничтожество его разума въ дѣлѣ пониманія путей Божественнаго міроуправленія и указать на смиреніе, какъ на главнѣйшую добродѣтель человѣка при такомъ его положеніи. Такъ разсуждалъ послѣ и Ап. Павелъ въ подобномъ случаѣ (Рим. гл. 9). Теперь чувствуетъ Іовъ всю свою виновность за гордыя и неразумныя рѣчи, смиренно выслушиваетъ слово Іеговы и смиренно раскаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ (42, 1—6).

Испытаніе Іова окончилось -- не безъ опасности, происшедшей отъ человѣческой грѣховности и самомнѣнія, прошелъ Іовъ чрезъ это время искушенія; но устоялъ, и тѣмъ показалъ, вопреки навіѣтамъ на него искушителя, что добродѣтель его истинная, а не мнимая, какъ клеветалъ искушитель; признаніемъ же своей грѣховности и ничтожества предъ Богомъ, т. е. смиреніемъ, онъ еще болѣе укрѣпилъ и возвысилъ свою добродѣтель, а потому еще болѣе, чѣмъ прежде благословляется всѣми благами земли: правда Божія является снова въ соотвѣтствіи съ правдою человѣка, по закону. Но тремъ друзьямъ Іова возвѣщается гнѣвъ Божій за то, что они не такъ вѣрно говорили, какъ рабъ его Іовъ, и для предупрежденія наказанія повелѣвается имъ просить Іова, чтобы онъ принесъ за нихъ жертву: ибо отъ одного только его Онъ при-

метъ милостиво жертву за нихъ. По исполненіи этого Іовомъ, Богъ отъемлетъ отъ него испытаніе, возвращаетъ ему потерянное и все, что было у него, вдвое, — Іегова благословилъ его въ послѣдующее время болѣе, чѣмъ въ прежнее, — даровалъ ему сыновъ и дочерей и многое множество богатства, и — умеръ Іовъ въ старости, насытившись днями своей жизни (гл. 42). Этимъ оканчивается книга. — Есть истинная добродѣтель на землѣ и бѣдствіями, посылаемыми Богомъ, она укрѣпляется, очищается, совершенствуется, возвышается.

III. Объ историко-поэтическомъ характерѣ книги Іова съ древнихъ поръ были неодинаковыя и даже противоположныя мнѣнія: одни утверждали строго историческій характеръ ея, то есть, что все, что въ ней написано, было дѣйствительно, и было именно такъ, какъ написано, со всѣми подробностями; другіе, напротивъ, считали все содержаніе книги поэтическимъ вымысломъ, доказывая, что въ дѣйствительности ничего описаннаго не случилось, а все есть изобрѣтеніе священнаго поэта, который воплотилъ возрѣнія свои въ этихъ лицахъ и образахъ. Такъ, еще Іосифъ Флавій считалъ книгу Іова чисто историческою, въ которой все случившееся на самомъ дѣлѣ съ Іовомъ записано и приведено въ порядокъ кѣмъ либо изъ такъ называемыхъ у Іудеевъ раннихъ пророковъ. Но это мнѣніе не было общимъ мнѣніемъ древнихъ Евреевъ. Въ Талмудѣ есть одно замѣчательное мѣсто, въ которомъ излагаются *различныя* мнѣнія раввиновъ о характерѣ этой книги, и хотя составитель Талмуда склоняется болѣе къ тому, что книга относится къ историческимъ, однако же изъ этого мѣста можно видѣть, что были и такіе раввины, которые отрицали ея историческій характеръ и признавали все содержаніе ея вымысломъ, отвергая историческое существованіе главнаго лица, судьбы котораго изображаются въ книгѣ Іова. Такъ въ этомъ мѣстѣ Талмуда приводятся слѣдующія слова нѣкаго раввина Самуила сына Нахманіина: „Іова не было — Іовъ есть лицо приточное“. Если же самъ Іовъ не былъ историческое лицо, то конечно и всего, что написано въ книгѣ, не было въ дѣйствительности, а все измышлено для удобнѣйшаго и полнѣйшаго раскрытія извѣстныхъ возрѣній священнаго писателя. Другой раввинъ, уже позднѣйшій, Смиха-Арріехъ не признаетъ историческимъ лицомъ Іова на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ нужно было бы признать, будто въ язычествѣ были люди, по своему благочестію и высокому нрав-

ственному характеру, лучшіе самаго Авраама, что нелѣпнымъ представляется раввину. А другой позднѣйшій раввинъ Маймонидъ утверждаетъ, что все описанное въ книгѣ Іова исторически достовѣрно, и все описано такъ, какъ на самомъ дѣлѣ было. Христіанскіе писатели и истолкователи Писанія первыхъ вѣковъ почти исключительно признавали если не все написанное въ книгѣ историческимъ, то по крайней мѣрѣ все, что описано въ прологѣ и эпилогѣ, и утверждали что все это было на самомъ дѣлѣ, были и разговоры тѣ, какіе описаны, только можетъ быть имъ данъ другой порядокъ, нѣчто прибавлено, нѣчто опущено, нѣчто измѣнено. Одинъ только Теодоръ Мопсуетскій не признавалъ историческаго характера книги Іова и почиталъ все вымысломъ священнаго поэта. Со времени реформаціи появились и доселѣ являются защитники того и другаго мнѣнія; особенно много защитниковъ послѣдняго мнѣнія, которое совершенно отвергаетъ историческій характеръ книги, даже дѣйствительность существованія самаго лица Іова. Но то и другое мнѣніе въ своей крайности не выдерживаютъ строгой критики и скорѣе основываются на предзанятыхъ мысляхъ, чѣмъ на началахъ здоровой исторической критики, безпристрастной. Обратимся сначала къ этому послѣднему мнѣнію.

Предположеніе, что все содержаніе книги—вымыслъ священнаго поэта, который не имѣетъ своимъ субстратомъ никакого историческаго событія, уже потому оказывается не состоятельнымъ, какъ вполне справедливо замѣчаетъ Евальдъ, что такой свободный, лишенный всякаго историческаго основанія, вымыслъ длинныхъ поэтическихъ твореній совершенно чуждъ древнимъ литературнымъ произведеніямъ всѣхъ восточныхъ народовъ; такой характеръ имѣютъ лишь поэтическія произведенія развившейся литературы народной и —то не всегда; въ совершенномъ же видѣ такія произведенія явились лишь въ новѣйшее время. Притомъ и въ Еврейской древнѣйшей письменности ничего подобнаго не встрѣчается, и слѣды подобныхъ, совершенно отрѣшенныхъ отъ исторіи, произведеній священныхъ находятся только въ позднѣйшей исторіи Израиля, или лучше въ цвѣтущій періодъ развитія священной Еврейской поэзіи времени Соломоновыхъ и потомъ еще во времена происхожденія не канонической письменности Еврейской.—Далѣе, объ Іовѣ, какъ историческомъ лицѣ, упоминаетъ Пророкъ Іезекіиль, когда поставляетъ его

на ряду съ Ноемъ и Даниломъ (14, 14—20); говоря о немъ вмѣстѣ съ другими историческими лицами, онъ показываетъ не только то, что самъ признавалъ его лицомъ историческимъ, но и то, что современники его думали объ Іовѣ такъ же.— Точно такъ же Апостолъ Іаковъ представляетъ Іова въ примѣръ терпѣнія и—тѣмъ указываетъ, что лицо это было историческое (5, 10. 11). Далѣе, въ самой книгѣ есть очень много такого, что указываетъ на историческое основаніе всей этой книги. Такъ мѣстомъ жизни и страданій Іова называется страна Уцъ,—и это означеніе земли указываетъ на зависимость всего этого сказанія отъ существовавшаго, опредѣленнаго историческаго преданія. Страна Уцъ, воспользуемся опять замѣчаніемъ Евальда, ничѣмъ особеннымъ не извѣстна въ Еврейской исторіи, и народъ ея ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалъ себя, и—только изъ этой книги главнымъ образомъ извѣстно имя этой страны и народа. Почему же писатель избираетъ мѣстомъ дѣйствій описанныхъ въ книгѣ эту не важную, ничѣмъ особеннымъ не ознаменованную страну? Отвѣтъ правдоподобный можетъ быть только тотъ, что писатель книги стоялъ подѣ вліяніемъ историческаго преданія, что Іовъ дѣйствительно жилъ въ этой странѣ. То же должно сказать и объ отечественныхъ странахъ трехъ друзей Іова: страны эти, изъ которыхъ они пришли, ничѣмъ особеннымъ не извѣстны, а потому можно думать, что писатель имѣлъ при этомъ въ виду древнее сказаніе,—что дѣйствительно эти друзья были изъ этихъ странъ; на историческій характеръ этихъ лицъ указываетъ и то, что въ книгѣ означена даже родословная таблица одного изъ этихъ друзей (32, 2).—Указываютъ на то, что имя Іова—символическое имя—„враждующій“, какое имя могло быть дано ему въ слѣдствіе представленія писателя, что онъ враждовалъ противъ Бога и друзей, слѣдовательно—въ соотвѣтствіе съ изображеннымъ въ книгѣ характеромъ его, слѣдоват. вымышленное; а если вымышлено самое имя, то нѣтъ препятствій думать, что этимъ вымышленнымъ именемъ означается и вымышленное лицо.—Но извѣстно, что у Евреевъ всѣ или почти всѣ имена имѣли характеръ символизма, поколику ими обозначались извѣстныя обстоятельства, и изъ простаго символизма имени не въ пользу исторической дѣйствительности извѣстнаго лица заключать ничего нельзя; символическое имя лица Іова могло совпасть съ такими обстоятельствами послѣдующей его жизни, которыя оз-

начаетъ самое имя, а главное—Іовъ въ устахъ народа могъ получить это имя послѣ своего несчастія и именно въ соотвѣтствіе его характеру, обнаружившемуся въ этихъ несчастіяхъ; не даромъ же въ припискѣ LXX, заимствованной изъ какой-то сирской книги, значится, что онъ назывался прежде Іоавомъ; а перемѣна имени одного на другое съ прибавленіемъ или опущеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, въ слѣдствіе какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ жизни извѣстнаго лица, была весьма употребительна у восточныхъ народовъ.—Примѣръ—Авраамъ. Наконецъ, если имя Іовъ символическое, вымышленное самимъ писателемъ для означенія не существовавшаго лица, соотвѣтственно поэтическому представленію о характерѣ Іова, который онъ намѣренъ былъ изобразить, то такого же символизма надобно было бы ожидать и въ означеніи страны, гдѣ представляется происходящимъ событіе, въ означеніи именъ и отчества друзей, соотвѣтственно характерамъ ихъ, изображеннымъ въ самой книгѣ; этого однако же нѣтъ: значеніе именъ ихъ нисколько не совпадаетъ съ ихъ положеніемъ въ книгѣ Іова, и символизма значитъ нѣтъ; а этимъ указывается и на то, что имя и лицо Іова — не вымышленныя, а чисто историческія. На это же историческое преданіе указываетъ и изображеніе домашняго быта Іова, въ которомъ точно виденъ патріархъ Идумейскій.—Такимъ образомъ историческаго основоположенія въ книгѣ Іова отвергать никоимъ образомъ нельзя. Іовъ, его страданія, его друзья, ихъ приходъ къ Іову и разговоры, прекращеніе страданій и послѣдующая счастливая жизнь его, это—историческіе лица и происшествія.

Но въ тоже время нельзя не замѣтить, что не все въ книгѣ чисто историческое, что только собственно основоположеніе историческое, и на немъ создано чисто поэтическое твореніе; и мнѣніе, что все въ книгѣ историческое, изображено такъ, какъ на самомъ дѣлѣ было, никоимъ образомъ не можетъ быть оправдано, и извращаетъ истинный характеръ Еврейской поэзіи и поэтическаго представленія.—Даже пролога и эпилога нельзя признать чисто историческими; вся исторія здѣсь превращена въ поэтическое представленіе, украшена, приведена къ одной главной мысли, и именно въ соотвѣтствіе и для полнѣйшаго выраженія этой мысли переработана; все историческое здѣсь—только средство, а отнюдь не цѣль. Такъ, къ поэтическимъ изображеніямъ въ прологѣ и эпилогѣ относятся

всѣ антропоморфизмы: собраніе сыновъ Божіихъ предъ Іеговою, явленіе искушителя, разговоры ихъ съ Іеговою и пр.,—сказаніе о количествѣ стяжаній Іова и о гибели всего этого, равно какъ и о возвращеніи всего по минованіи несчастія, именно не на чистую исторію здѣсь указываютъ круглыя числа, которыми означается количество стяжаній Іова; потомъ сказанія о гибели всего въ одинъ день: ибо трудно, даже невозможно представить, чтобы въ одинъ день случилось все, что случилось съ богатствомъ Іова, чтобы, тогда какъ не успѣвалъ уходить одинъ вѣстникъ несчастія, являлся другой и это нѣсколько разъ; свободного, отрѣшившагося отъ факта, сопоставленія событій не видѣть здѣсь нельзя. На свободно поэтическое представленіе всего содержанія книги указываетъ самый планъ изображенія,—планъ строго выполненный: разговоры располагаются въ слишкомъ строгомъ порядкѣ,—что при спорѣ въ дѣйствительности не возможно; соблюсти такую постепенность въ ходѣ мыслей, какая представлена въ самой книгѣ, также не возможно,—и значитъ нужно признать искусственное ихъ расположеніе; постоянный параллелизмъ членовъ, метръ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже рѣчь въ простомъ обыкновенномъ разговорѣ также не возможны, а потому, находясь въ книгѣ, они указываютъ на искусственно переработанный разговоръ.—Вообще весь строй рѣчи указываетъ, что писатель не стѣснялся историческою дѣйствительностію во всѣхъ ея подробностяхъ, а на основаніи историческаго факта свободно создалъ поэтическое изображеніе событія. Объ этомъ, кажется, не слѣдуетъ и распространяться, потому что поэтический характеръ книги не требуетъ доказательствъ; для всякаго онъ очевиденъ. Вопросъ только въ томъ: если книга въ основаніи своемъ имѣетъ историческое событіе, которое потомъ съ поэтической свободой представлено въ чисто поэтической формѣ: то какъ относятся въ ней между собою историческое и поэтическое, что писателемъ заимствовано изъ историческихъ сказаній и что присоединено къ нимъ какъ поэтическое украшеніе? Но на этотъ вопросъ съ достовѣрностію отвѣчать трудно, даже невозможно. Въ томъ-то и состоитъ высокое искусство священнаго поэта, что онъ такъ тѣсно соединилъ историческое съ идеальнымъ, представилъ ихъ въ такомъ внутреннемъ взаимномъ проникновеніи одного другимъ, къ такому возвелъ ихъ внутреннему единству, что нѣтъ полной возможности отдѣлить въ цѣломъ твореніи историче-

скаго отъ поэтическаго.—Подобная попытка раздѣленія можетъ привести лишь къ однимъ догадкамъ, отъ которыхъ не будетъ равно никакой пользы; важность не въ историческомъ лишь содержаніи книги, а во всей книгѣ,—въ раскрытіи мысли, которая составляетъ предметъ всей книги. Можно сказать лишь съ достовѣрностію объ историческомъ въ этой книгѣ слѣдующее: въ странѣ Идумейской, въ землѣ Уцъ, былъ Іовъ,—мужъ, славный своимъ истиннымъ благочестіемъ и богатствомъ.—Но его постигло несчастье, онъ лишается всего богатства своего; но мужественно переноситъ онъ несчастье; потомъ самъ подвергается болѣзни,—и не смотря на искушеніе жены своей, опять переноситъ все благодушно; къ нему приходятъ друзья утѣшить его въ несчастіи,—и разсуждаютъ съ нимъ о причинѣ бѣдствій его; послѣ долгой при и особеннаго откровенія Божія Іову,—въ слѣдствіе смиренія и покорности его Богу, онъ освобождается отъ болѣзни, и его богатство и слава возвращаются къ нему,—онъ жилъ счастливо и долго послѣ этого.—Это событіе, съ нѣкоторыми подробностями и послужило для священнаго писателя предметомъ для поэтическаго произведенія.—Что касается до лица самого Іова, то — изъ многихъ мѣстъ книги видно, что Іовъ занималъ высокое положеніе между своими соотечественниками; впрочемъ это не было царское достоинство; объ этомъ достоинствѣ не упоминается въ описаніи знаменитости и богатства Іова; онъ самъ, говоря о царяхъ, только сравниваетъ, но не поставляетъ себя на ряду съ ними (3, 14. 29, 25). Большія стада, обширное землепашество Іова заставляютъ предполагать, что онъ былъ начальникомъ какого нибудь Идумейскаго племени въ качествѣ нынѣшняго Эмира. По крайней мѣрѣ онъ былъ не болѣе сего до своихъ несчастій, описанныхъ въ книгѣ. И потому, если мнѣніе, высказанное въ Пешито, что Іовъ былъ царемъ, — почеркнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ: то его не иначе можно допустить, какъ предположивъ, что Іовъ сдѣлался царемъ послѣ своихъ несчастій, или же принявъ это названіе не въ строгомъ смыслѣ.

IV. Изложеніе содержанія книги Іова очень достаточно показало намъ строгое единство всей книги Іова, свидѣтельствующее, что вся эта книга написана однимъ священнымъ поэтомъ, что прологъ, самыя рѣчи всѣхъ говорящихъ и эпилогъ имѣютъ тѣсное взаимное отношеніе между собою и пред-

полагаются одни другими. Не смотря однакоже на эту тѣсную внутреннюю связь,—было и есть между Библейскими критиками мнѣніе, что эта книга не въ такомъ видѣ вышла изъ-подъ пера перваго писателя ея, въ какомъ она дошла до насъ, что въ ней есть позднѣйшія прибавки, то есть, хотятъ заподозрить подлинность нѣкоторыхъ отдѣленій книги Іова, въ настоящемъ ея составѣ. Нѣтъ нужды обозрѣвать всѣ подобныя возраженія; остановимся лишь на важнѣйшихъ. Въ особенности стараются заподозрить подлинность происхожденія пролога и эпилога и рѣчей Елигу отъ того же писателя, которому принадлежитъ вся остальная книга.

Основанія, по которымъ заподозриваютъ подлинность происхожденія рѣчей Елигу отъ того же писателя, которому принадлежитъ вся остальная книга, выставляются слѣдующія:

1) Объ этомъ Елигу не говорится въ прологѣ, которымъ опредѣляется содержаніе и ходъ раскрытія этого содержанія книги Іова, гдѣ упоминаются друзья, пришедшіе утѣшать Іова; тамъ, какъ извѣстно, упоминается лишь о трехъ друзьяхъ, Елифазѣ, Балдадѣ и Софарѣ; объ Елигу—ни слова, и въ ходѣ рѣчей онъ вдругъ является, неожиданно; не упоминается объ немъ ничего и въ эпилогѣ, а опять только о тѣхъ же трехъ друзьяхъ, о которыхъ говорится и въ прологѣ. Но это умолчаніе объ Елигу въ прологѣ и эпилогѣ отнюдь не доказываетъ, будто его въ самомъ дѣлѣ не было съ друзьями, и будто это лицо, вмѣстѣ и съ рѣчами, вымыслено послѣ и другимъ писателемъ и вставлено въ книгу. Елигу былъ молодъ сравнительно съ другими пришедшими друзьями и пришелъ, по его собственнымъ словамъ, не для того, чтобы говорить, а чтобы слушать, что будутъ говорить другіе—старцы, это былъ восточный обычай, что юные молчали и не высказывали своихъ сужденій въ присутствіи старшихъ, безъ особенныхъ побужденій. Вотъ почему писатель и умалчивалъ о немъ прежде, чѣмъ когда настала необходимость ввести и его въ кругъ дѣйствія. Въ эпилогѣ также совершенно не нужно было упоминать о немъ: такъ какъ онъ не былъ виновенъ предъ Богомъ и Іовомъ за свои рѣчи, онъ высказалъ въ нихъ правду, которая была подтверждена Самимъ Іеговою; а о трехъ прочихъ друзьяхъ здѣсь именно потому и упоминается, что они не правы были предъ Богомъ и Іовомъ, и должны были просить Іова—принести за нихъ умиловительную жертву, дабы не потерпѣть имъ наказанія за свои рѣчи и сужденія

не праведныя (42, 7—10). Притомъ же, если бы другая рука приписала къ книгѣ эти рѣчи: то скорѣе можно было бы ожидать, что она приписала бы это имя и въ прологѣ и эпилогѣ, потому что кто рѣшился на такую обширную интерполяцію въ книгѣ, тому не было никакихъ препятствій сдѣлать малѣйшую интерполяцію и въ прологѣ и эпилогѣ для того, чтобы скрыть по возможности эту большую интерполяцію и придать ей внѣшнее единство со всей остальной книгой.

2) Говорятъ, что эти рѣчи Елигу прерываютъ насильственно связь между послѣднею рѣчью Іова и рѣчами Іеговы. Вступленіе къ этимъ рѣчамъ Іеговы необходимо предполагаетъ, что Іовъ говорилъ непосредственно предъ этимъ и —отрывочный конецъ рѣчи Іова (31, 38—40) можно объяснить только тѣмъ, что Іовъ въ теченіе рѣчи своей вдругъ прерванъ былъ рѣчью Іеговы. Но если рѣчь Іеговы имѣетъ къ послѣдней рѣчи Іова непосредственное отношеніе, а не къ рѣчамъ Елигу: то это вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, будто эти рѣчи вставлены послѣ. Богъ является на прою съ Іовомъ, какъ того желалъ самъ Іовъ, и—слова рѣчи Іеговы именно должны непосредственно относиться къ послѣдней рѣчи Іова; притомъ же Іовъ въ продолженіе рѣчей Елигу молчалъ; рѣчи Елигу и стоятъ совершенно отдѣльно, особно, не такъ, какъ рѣчи первыхъ трехъ друзей, изъ которыхъ на каждую давалъ отвѣтъ Іовъ; здѣсь Іовъ молчалъ, и Іегова послѣ этихъ рѣчей Елигу самъ вызываетъ на отвѣтъ Іова. Потому вовсе нѣтъ нужды думать, будто рѣчью Іеговы необходимо предполагается, что Іовъ говорилъ непосредственно предъ явленіемъ Іеговы, а рѣчи Елигу позднѣйшая вставка. Что касается до неоконченности будто рѣчи Іова, какъ бы предполагающей, что Іегова прервалъ ее; то это очевидная натяжка: Іовъ высказалъ все, что было у него на душѣ о причинѣ своихъ несчастій, оправдывая свою невинность, свидѣтельствуется, что онъ никому не дѣлалъ и не намѣренъ былъ дѣлать зла, вызываетъ Бога на прою, и снова обращаясь къ мысли, что все свое богатство онъ всегда употреблялъ какъ должно, спрашиваетъ Іегову—вопіяла ли на него земля, главный и важнѣйшій источникъ богатства въ патріархальныя времена, и пользовался ли онъ этимъ богатствомъ не праведно, въ ущербъ другимъ?. Если бы это было такъ: то пусть бы вмѣсто пше-ници росъ на ней тогда волчець и вмѣсто ячменя куколь! Эта общая мысль очень естественно составляетъ заключеніе

жалобъ Іова на неправосудіе Божіе и на свою невинность въ бѣдствіяхъ. Противъ нея начинаетъ ратовать Елигу, а потомъ и Самъ Іегова является говорить противъ этихъ самыхъ жалобъ Іова, выставляя противъ его оправданій въ правильномъ употребленіи богатства и земли непостижимость судебъ Божіихъ въ устроеніи и сохраненіи земли. Еще: рѣчь Іова послѣдняя, равно какъ и прежнія—не плодъ спокойнаго холоднаго размышленія, и ихъ изображеніе въ книгѣ не есть спокойное изложеніе, при чемъ соблюдена была бы округленность рѣчи; нѣтъ, это—порывы встревоженнаго, возмущеннаго сердца Іова, произведеніе восторженности, при чемъ необходимы быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, отрывочныя мысли, слѣдующія одна за другою, нѣтъ видимыхъ, логически посредствующихъ мыслей; оттого во многихъ мѣстахъ такая отрывочность, вдругъ онъ начинаетъ говорить объ одномъ, вдругъ переходитъ къ другому и снова возвращается къ тому, что не досказано было прежде. При такомъ построеніи рѣчи во всей книгѣ, на основаніи какъ будто отрывочности и неоконченности одной рѣчи и возвращенія къ ней послѣ, представлять, что промежуточное вставлено послѣ, странно. Наконецъ, окончаніе рѣчи Елигу тѣсно связано съ явленіемъ Іеговы въ бурѣ и вихрѣ. Елигу именно указываетъ, что и въ явленіяхъ видимой природы человѣкъ многого не понимаетъ, указываетъ и на громъ и бурю, и потомъ заключаетъ рѣчь восклицаніемъ, что Богъ непостижимъ, и вотъ въ слѣдъ за этимъ является въ бурѣ Богъ. Это, значить, какъ бы необходимое предуготовленіе къ явленію Бога на проъ съ Іовомъ въ бурѣ, иначе это явленіе было бы какъ *Deus ex machina*. Конечно, и прежде Іовъ желалъ, чтобы Богъ явился на проъ съ нимъ, и въ послѣдней рѣчи высказалъ это желаніе; но этими рѣчами явленія Іеговы въ бурѣ не предполагается, тогда какъ рѣчи Елигу именно указываютъ на такое явленіе Божіе, и служатъ, между прочимъ, посредствомъ къ тому, что Іегова явился въ бурѣ и вихрѣ.

3) Указываютъ на характеръ и слогъ рѣчей Елигу, которая будто бы отлична отъ прочихъ рѣчей, содержащихся въ книгѣ, и выводятъ отсюда заключеніе, что ихъ писала другая рука, а не та, которая писала всю остальную книгу. Этотъ аргументъ обыкновенно употребляется тогда, когда нѣтъ другихъ прямыхъ доказательствъ извѣстнаго положенія. Касательно силы этого доказательства мы однажды замѣчали, что

оно имѣть значеніе лишь при другихъ, болѣе положительныхъ, доказательствахъ, и что само по себѣ оно можетъ быть употребляемо не только для совершенно различныхъ, но и противоположныхъ цѣлей.—Такъ и здѣсь, апологеты говорятъ, что въ существенныхъ чертахъ слогъ ихъ совершенно одинаковъ съ слогомъ всей книги и приводятъ длинный рядъ цитатъ, изъ которыхъ видно, что множество словъ въ одинаковыхъ значеніяхъ, множество совершенно одинаковыхъ сопоставленій словъ и оборотовъ въ этихъ рѣчахъ съ другими рѣчами друзей Іова и самого Іова. Если же есть и различіе въ слогѣ, особенно въ отличительномъ характерѣ рѣчи: то это различіе достаточно объясняется изъ особеннаго положенія и характера лица говорящаго сравнительно съ другими; живость, бойкость и стремительность рѣчей, полнота и величіе образовъ объясняется легко тѣмъ, что говорить человѣкъ юный, въ которомъ болѣе жару, въ которомъ преобладаетъ дѣятельность фантазіи, и это свидѣтельствуется лишь объ искусствѣ писателя, такъ ясно выразившаго характеръ лица говорившаго и въ самомъ слогѣ рѣчи показавшаго его особенность. Притомъ, этотъ юный другъ Іова былъ особенно воодушевленъ и возбужденъ, когда началъ говорить, съ одной стороны рѣзкостью рѣчей самого Іова, съ другой несправедливыми рѣчами другихъ друзей Іова, воодушевленъ такъ, что, по его собственнымъ словамъ, сердце его горѣло въ немъ и грудь не могла выдерживать того, что онъ передумывалъ. Очень естественно ожидать отъ него рѣчи пылкой и стремительной, но какъ отъ человѣка понимавшаго хорошо дѣло,—рѣчи разсудительной и умной, каковы дѣйствительно рѣчи Елигу. Не надобно забывать, что и рѣчи Іова и друзей имѣютъ свой отличительный характеръ, по которому и слогъ ихъ различенъ; но изъ этого различія ничего нельзя вывести не въ пользу подлинности происхожденія какой-либо изъ нихъ отъ одного и того же писателя всей книги. Такимъ образомъ, изъ рѣчей Елигу, самихъ по себѣ, ничего нельзя заключить объ ихъ неподлинности. Другія основанія этого мнѣнія еще маловажныѣе и никакъ не сильны опровергнуть того положенія, утверждающагося на строгомъ единствѣ раскрытія основной мысли книги, что вся эта книга составляетъ одно стройное цѣлое и въ настоящемъ составѣ своемъ вышла изъ рукъ одного и того же писателя.

Противъ подлинности происхожденія пролога и эпилога отъ одного и того же писателя со всею остальною книгою

дѣлають слѣдующія возраженія: а) они написаны совершенно иначе, чѣмъ вся остальная книга, именно—прозою, тогда какъ все остальное содержаніе изложено въ стихотворномъ размѣрѣ, что указываетъ на различіе писателей ихъ; б) въ стихотворной части Богъ вездѣ называется Элогимъ, а въ прозаической вездѣ Іеговою; в) въ прологѣ упоминается объ искусителѣ, какъ принимающемъ важное участіе въ бѣдственныхъ судьбахъ Іова, а представленіе о немъ явилось у Евреевъ будто бы во времена плѣна Вавилонскаго; слѣдовательно, тогда же написана и эта часть, и г) прологъ и эпилогъ стоятъ въ нѣкоторыхъ указаніяхъ въ противорѣчьи съ стихотворною частію книги; такъ, напримѣръ, по сказанію пролога: 1, 19 всѣ дѣти Іова погибли въ день общей гибели имущества и благосостоянія Іова, а въ стихотворной части книги упоминается о дѣтяхъ Іова какъ живыхъ (19, 17); потомъ, въ стихотворной части Іовъ сознается въ одномъ мѣстѣ, что онъ не разумно говорилъ (42, 3), а въ эпилогѣ говорится, напротивъ, что Богъ самъ одобряетъ Іова за то, что онъ правильно говорилъ, осуждаетъ друзей его за то, что они говорили несправедливо противъ него. Но эти основанія, очевидно, не такъ сильны, чтобы по нимъ отвергать происхожденіе всей книги отъ одного лица и раздѣлять писателя пролога и эпилога отъ писателя всей остальной книги, въ ея настоящемъ составѣ.

а) Писатель въ стихотворной формѣ хотѣлъ изобразить разговоръ Іова съ друзьями своими о причинахъ несчастія Іова, въ которомъ вообще рѣшался вопросъ объ отношеніи правды Божіей къ правдѣ человѣческой. Но Іовъ — не вымысль, а дѣйствительное историческое лицо: не слѣдовало ли писателю вкратцѣ сказать о предшествовавшихъ и послѣдующихъ обстоятельствахъ жизни Іова? Почему писатель избралъ простой повѣствовательный способъ, прозаическій, — на этотъ вопросъ рѣшительно отвѣчать нельзя; можетъ быть, подробности, которыя нужно было означить здѣсь, трудно было выразить въ стихотворной рѣчи и — писатель предпочелъ простой повѣствовательный способъ, которымъ вполне достигалась цѣль книги. — Во всякомъ случаѣ, отсюда далеко еще до заключенія, что писатели этихъ частей книги различны. Развѣ не встрѣчается въ памятникахъ письменности и другихъ народовъ, что поэтическимъ произведеніямъ предпосылаются прозаическія введенія, въ которыхъ объясняется цѣль, случай,

побужденіе, обстоятельство и пр. поэтического произведенія? Точно то же можно предположить и здѣсь.—Второе изъ показанныхъ основаній не вѣрно и натянуто: названіе Бога Іеговою встрѣчается и въ стихотворной части книги раза три (12, 9 и пр.); защищающіе опровергаемую мысль указываютъ на то, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ, въ этихъ мѣстахъ стоитъ не Іегова, а также Элогимъ; но въ большей части кодексовъ стоитъ Іегова, а большинству всегда можно вѣрить; видно, значить, что писатель и стихотворной части употреблялъ оба эти названія, только чаще—Элогимъ, можетъ быть, потому, что въ стихотворномъ размѣрѣ рѣчи это названіе было болѣе удобно; въ прозаической же части это названіе употребляется потому, что это имя точнѣе выражаетъ сущность Божію: ибо и Богъ, открывая Свое имя, назвалъ Себя Іеговою.—Третье изъ высказанныхъ основаній, будто представленіе о сатанѣ явилось у Евреевъ около временъ плѣна Вавилонскаго и, слѣдовательно, тогда же написанъ прологъ, если не вся книга,—совершенно не вѣрно: представленіе о зломъ духѣ всегда было у Евреевъ: по сказанію священныхъ Еврейскихъ книгъ, этотъ духъ, котораго нельзя не узнать въ змѣѣ—искусителѣ, склонилъ Еву къ преступленію заповѣди; духъ лукавый давилъ Саула, когда отъ него отступилъ Духъ Господень; діаволъ возсталъ на Израиля и *подустилъ Давида, да сочтетъ Израиля* (1 Пар. 21, 1); слѣдовательно, относить ко временамъ плѣна упоминаніе пролога о духѣ—искусителѣ не требуется.—Наконецъ, что касается до тѣхъ мѣстъ пролога и эпилога, которыя будто противорѣчатъ стихотворной части; то нужно захотѣть не понимать духа и характера книги, чтобы видѣть въ нихъ противорѣчіе: упоминаніе о сынахъ Іова въ стихотворной части, какъ еще живыхъ, тогда какъ въ прологѣ сказано, что они погибли, очевидно, не нужно понимать о дѣтяхъ въ собственномъ смыслѣ: здѣсь параллелизмъ стиха, въ первой половинѣ говорится о женѣ Іова, во второй, ради параллелизма, упоминается о дѣтяхъ. При томъ же, съ подлинника можно переводить и такъ, и это, кажется, будетъ вѣрнѣе,—что разумѣются здѣсь чужія дѣти, дѣти вообще, что и они—неразумныя оставили его, т. е., не шли къ нему, когда онъ ихъ звалъ. Потомъ, если Богъ говоритъ, что Іовъ правильно говорилъ, тогда какъ самъ Іовъ считалъ свои рѣчи неразумными: то Богъ говоритъ объ относительной справедливости рѣчей Іова, сравнительно съ

рѣчами трехъ друзей; они болѣе виноваты въ своихъ сужденіяхъ о причинахъ бѣдствій Іова, чѣмъ самъ Іовъ, хотя и Іовъ былъ не совсѣмъ правъ, какъ объ этомъ сказалъ ему самъ Богъ же (38, 1—2. 39, 32). Смыслъ словъ Божіихъ въ эпилогѣ—тотъ, что Іовъ лучше разсуждалъ, чѣмъ друзья его,—а правильно ли, этого не говорится въ эпилогѣ; что не совсѣмъ правильно—видно изъ приведенныхъ словъ Божіихъ. Такимъ образомъ, повторимъ, основанія противъ подлинности происхожденія пролога и эпилога отъ одного писателя съ остальною книгою вовсе не такъ сильны, чтобы выводить изъ нихъ такой результатъ. Съ другой стороны можно спросить: возможное ли дѣло, чтобы книга была первоначально безъ пролога и эпилога, когда въ нихъ именно—въ первомъ предлагается самый вопросъ, разрѣшеніе котораго составляетъ книгу, а въ послѣднемъ фактическое разрѣшеніе его? Предположить же, что былъ другой прологъ первоначально, который и замѣненъ настоящимъ, нѣтъ никакихъ основаній.—Такимъ образомъ, книга Іова съ прологомъ и эпилогомъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, вышедшее изъ рукъ одного и того же писателя.

Время жизни Іова не восходитъ далѣе временъ Авраама или даже Исава, потому что одинъ изъ друзей его Валдадъ былъ потомокъ Авраама (Быт. 25, 12), другой—Елиѳазъ потомокъ Исава (Іов. 4, 1; ср. Быт. 36, 15); но оно и не нисходитъ позднѣе временъ Патріархальныхъ. Это видно изъ слѣдующаго: а) Іовъ достигаетъ такого долготѣія (не менѣе 200 л.), какого не видно послѣ временъ Патріархальныхъ; б) по обыкновенію Патріархальному, онъ самъ совершаетъ жертву, какъ глава семейства (Іов. 1, 5); в) въ его время было сильно служеніе солнцу и лунѣ (Іов. 31, 26. 27)—самый древній родъ идолопоклонства особенно съ тѣмъ родомъ почтенія ихъ, о которомъ упоминается въ книгѣ; г) говоря о чудесахъ Божіихъ, ни Іовъ, ни друзья его не дѣлаютъ никакого намека на обстоятельства чудеснаго изшествія народа Израильскаго изъ Египта, приведшаго въ движеніе и трепетъ окрестные народы.

Что касается до того, откуда у Іова и его друзей такое понятіе о Богѣ единомъ и таинственное отношеніе къ Нему, простирающееся до непосредственныхъ откровеній, какія были только въ народѣ избранномъ—въ родѣ Авраамовомъ: то

надобно, кажется, предположить, что это были остатки древняго монотеизма, бывшаго, по изслѣдованіямъ ученыхъ, до времени всеобщей религіею всѣхъ народовъ.—Разселяясь изъ Арама и Месопотаміи, они въ раздѣленіи большею частію утрачивали вѣру въ чистый монотеизмъ и, смѣшиваясь съ Хамитами, впадали въ идолопоклонство; но, какъ видно, нѣкоторыя племена сохраняли болѣе или менѣе чистую вѣру въ единого Бога—Вѣчнаго. Подобные примѣры видимъ мы въ Мельхиседекѣ, жившемъ между Хананейцами, въ Балаамѣ, призванномъ изъ Месопотаміи, откуда вышелъ и Авраамъ и гдѣ жилъ долгое время Іаковъ.

II. О книгѣ Псалмовъ.

Въ Еврейскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое бы вполне, характеристически, обозначало составъ пѣсней, извѣстный подъ именемъ книги Псалмовъ. Названіе ея *Сеферъ Теиллимъ* не выражаетъ вполне того, что имъ обозначается, такъ какъ *теилла* значитъ собственно *хвала, хвалебная пѣснь*, въ честь и славу Іеговы; *сеферъ теиллимъ* означаетъ поэтому составъ только хвалебныхъ пѣсней,—т. е., нѣкоторую часть нашей Псалтири. Конечно, всѣ псалмы, не смотря на различіе ихъ содержанія, имѣютъ общую цѣль—хваленіе и прославленіе Бога; но это уже *locus topicus*, въ оправданіе древняго названія книги Псалмовъ, въ которомъ самая книга, конечно, не нуждается, потому что отъ такого или другаго названія она ничего ни теряетъ, ни приобретаетъ. А что это названіе книги не точно, видно изъ того, что сами священные поэты, пѣснопѣнія которыхъ составляютъ книгу псалмовъ, а равно и позднѣйшіе собиратели этихъ пѣснопѣній и составители нашей книги Псалмовъ, въ настоящемъ ея видѣ, даютъ различное названіе различнымъ частямъ книги и различно называютъ самыя произведенія или пѣсни, заключающіяся въ ней. Между этими названіями есть и слово *теилла* въ надписяхъ лишь нѣкоторыхъ только псалмовъ (144), а это значитъ, что этимъ словомъ означаетъ лишь извѣстный видъ псалмовъ, а не всѣ псалмы, которые имѣютъ и другія названія, выраженные въ надписаніяхъ псалмовъ. Такъ, по окончаніи 71 псалма дѣлается такое заключеніе: „окончились молитвы (тефиллотъ) Давида, сына Іессеева“. Здѣсь, очевидно, всѣ псалмы Давида, до 71-го называются общимъ именемъ „молитвъ“. Въ оправданіе такого названія, въ сопоставленіи